

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Д. Е. БЕРТЕЛЬС

Введение

I

(1818—1917)

Полтора века минуло с того дня, когда в стенах Академии наук появилось учреждение, которое положило начало новому периоду в академическом востоковедении нашей страны. Однако как научное востоковедение, так и это учреждение возникли не внезапно, а их появлению предшествовал длительный подготовительный период. Как и в развитии других отраслей наук, этому предшествовали знания, порожденные требованиями практической деятельности. Географическое положение России, бесконечно длинная линия ее границ со странами Востока, наличие восточных народов в ее составе, торговые и дипломатические связи требовали людей, знающих Восток. И такие люди были еще на Московской Руси.

До учреждения Посольской избы (1549 г., позднее — Посольский приказ) делами всех внешних сношений Московского государства ведал Казенный двор в Москве, в штате которого уже были сведущие в восточных языках «переводники» и толмачи¹. Когда же сложился Посольский приказ², в нем были утверждены должности переводчиков и толмачей. Свое дело переводчики знали основательно, о чем свидетельствует широко известное мнение Петра I, считавшего их слог образцом русского литературного языка той эпохи.

Специальных школ для подготовки переводчиков в ту пору не было. Их подыскивали среди татар г. Романова, иногда, правда, посылали учить «татарский» язык в Астрахань (например, в 1650 г.).

Русские послы в восточные страны, как правило, восточ-

¹ С. А. Белокуров, О Посольском приказе, М., 1906, стр. 34, где упоминаются переводчики на восточные языки в 1489—1492 гг.

² О «повытьях» приказа, своего рода департаментах, и распределении между ними восточных стран см. там же, стр. 51—53; 167; списки переводчиков в 1689 г., стр. 131—132; толмачей, стр. 135.

ных языков не знали, и поэтому в состав посольства всегда включались толмачи и переводчики. Потребность в переводчиках, знакомых с восточными языками, была велика не только для посольства и миссий, но и для успешной торговли, пограничной службы и т. п.

Наряду с практическим изучением восточных языков в России довольно рано появилась литература, которую условно можно назвать «востоковедной». В работе И. Ю. Крачковского говорится об участии «переводников» Посольского приказа в переводах «исламоведной литературы»³. Писались также рассуждения о словах различных восточных языков, попавших в русский; сочинения на историко-культурные, религиозные, философские и бытовые темы, делались переводы литературных памятников народов Востока. Однако вся эта литература почти не привлекала восточные источники — монеты и рукописи еще не стали объектом внимания востоковедов той поры.

Резко изменилось изучение Востока в петровской Руси. Сейчас еще нет возможности перечислить все распоряжения Петра I, направленные на развитие отечественного востоковедения, ибо никто еще не исследовал с этой точки зрения его эпоху. Однако целый ряд фактов хорошо известен⁴.

Первым государственным распоряжением принято считать указ от 18 июня 1700 г. о двух-трех человеках «не престарелых иноков», которые бы «могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться»⁵. Обучению восточным языкам посвящен указ Петра от 16 октября 1705 г., которым японцу Денбею повелевалось «учить японскому языку и грамоте ребят человек четырех или пяти»⁶. 18 января 1716 г. был издан сенатский указ «О выборе в Москве из Латинских школ пяти человек молодых для посылки в Персию обучаться восточным языкам»⁷.

В указах Петра, касавшихся созданной им Кунсткамеры и пополнения ее коллекций, следует видеть документы, имеющие непосредственное отношение к коллекциям будущего Азиатского музея⁸.

³ Крачковский, Очерки (раздел «Предыстория русской арабистики»). Работы, часто упоминаемые в данной книге, указываются в скобках в сокращенном виде. Полное их название и выходные данные см. в списке сокращений в конце книги.

⁴ О них писали: Бартольд, — МИФВЯ, т. IV, СПб., 1909, стр. 1—10; Крачковский, Очерки, стр. 31—35; Кононов, К истории русской тюркологии (до XIX в.), — ИКНВ, стр. 202—214.

⁵ ПСЗРИ, IV, № 1800.

⁶ ЖМНП, ч. XXIX, 1853; ч. VII, стр. 86—89; Бартольд, — МИФВЯ, т. IV, стр. 2—3; О. П. Петрова, Японский язык в России в первой половине XVIII в., — НАА, 1965, № 1, стр. 163—177.

⁷ ПСЗРИ, V, № 2978; молодые люди должны были быть отправлены в Персию с посольством Артемия Волынского.

⁸ См., например: Дорн, Аз. Муз., Приложение А.

Наконец, еще одно распоряжение Петра, касающееся востоковедных дел, но, пожалуй, самое важное, так как его можно считать началом официального научного востоковедения в России. 15 мая 1722 г. царь отправился из Москвы в Персидский поход. Во время месячного плавания по Волге он осмотрел развалины города Булгар. По прибытии в Астрахань он написал 2 июля губернатору Казани и велел немедленно послать в Булгар несколько каменщиков для починки разваливающихся башен, а также описать находящиеся там татарские и армянские надгробные надписи, копии которых хранились позднее в Казанской губернской канцелярии⁹.

Последний указ, данный Сенатом по указу Петра, датирован 23 августа 1724 г. и касается обучения турецкому языку «из шляхетства несколько молодых людей», для чего предполагалось послать этих людей на несколько лет в Царь-город¹⁰.

Во время плавания по Волге Петра сопровождал Дмитрий Кантемир (1673—1723), который вошел в историю востоковедения как создатель первой в России типографии с арабским шрифтом¹¹, как автор объемистого труда о Турции и исламе.

С эпохой Петра связаны восточная «гимназия» И. Глюка и И. Паузе в Москве (1703), научная экспедиция д-ра Д. Г. Мессершмидта для изучения Сибири (1719—1727) и многое другое.

Главным стимулом всех этих распоряжений Петра безусловно была его восточная политика.

Перед самой кончиной Петр издает именной указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии...». С созданием Кунсткамеры и Академической библиотеки неразрывно связана история будущего Азиатского музея.

В открытой в 1725 г. Петербургской академии наук среди

⁹ Ф. И. Соймонов, Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, СПб., 1763, стр. 57. См. также: А. А. Гольденберг, Федор Иванович Соймонов (1692—1780), М., 1966, стр. 223—224. Отрывки немецкого перевода книги Соймонова были напечатаны в 1762—1763 гг. На них ссылается Френ (F r ä h n, Das Muhammed, Münzkabinet, стр. 7, прим.). О дальнейшей судьбе этих копий см.: МИФВЯ, т. IV, стр. 8—9; Материалы, т. VI, стр. 283; Крачковский, Очерки, стр. 32—33.

¹⁰ ЖМНП, ч. XXX, 1853, отд. VII, стр. 28—29 — по материалам книги Сенатского производства.

¹¹ На борту шнявы «Св. Александр» находилась «малая типография арапских литер», где Д. Кантемир печатал им же переведенные прокламации на персидском и турецком языках, — Соймонов, Описание..., стр. 58; Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 187; Гольденберг, Федор... Соймонов, стр. 39.

академиков «первого призыва»¹² был ученый-востоковед Г.-З.-Т. Байер (1694—1738)¹³.

Если до сих пор шла речь об отдельных фактах в истории востоковедения, даже о предприятиях в государственном масштабе, но опять-таки изолированных, то со времени учреждения АН мы имеем, пожалуй, возможность говорить о развитии академического востоковедения. Правда, с момента вступления в ряды академиков первого востоковеда до появления в АН самостоятельного востоковедного учреждения пройдет еще почти целый век.

Шли годы, расширялась и крепла АН. «Крепкая связь академии со страной,— писал в 1925 г. акад. С. Ф. Ольденбург,— даже в те старые годы, когда академики почти все были иностранцы, образовалась особенно благодаря тому, что академия с самого основания, по мысли своего учредителя Петра Великого, уделяла очень большую часть своей работы исследованию страны во всех отношениях»¹⁴.

Пополнялись книжные собрания библиотеки АН и коллекции Кунсткамеры, быстро росло число восточных монет. Например, в одном только 1728 г. в Кунсткамеру поступили нумизматические коллекции, и в их числе «татарские монеты»¹⁵, «рукописные книги на восточных языках писанные»¹⁶.

Научные коллекции по мере их накопления начинают требовать систематизации, описания, использования в научных исследованиях. Было ли то чистой случайностью или вызвано потребностью научно описать монеты Кунсткамеры, но вице-канцлер А. И. Остерман пригласил в Россию Георга Яковлевича Керу¹⁷. Г. Я. Кер (1692—1740) прибыл в Петербург в 1731 г. и был назначен переводчиком восточных языков при Коллегии иностранных дел, ему же вменялось в обязанность обучать этим языкам шесть учеников из Московской славяно-греко-латинской школы. Вскоре он приступил к описанию восточных монет Кунсткамеры¹⁸. В историю отечест-

¹² Крачковский, Очерки, стр. 35.

¹³ Там же, стр. 35—36. Литературу о нем см.: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 2—21, 37, 1315; Гульбин, Словарь, т. I, лл. 46—49; F. Babinger, Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738), ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien in 18 Jahrhundert, Leipzig, 1915.

¹⁴ Ольденбург, Итоги академического юбилея, — НР, кн. 3, 1925, стр. 3.

¹⁵ «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на русский язык переведенный В. Костыговым» (СПб.), 1779, стр. 118.

¹⁶ Там же, стр. 86—97; «История АН СССР», I, стр. 58—59.

¹⁷ Наиболее полно литература о Керу собрана в кн.: Гульбин, Словарь, I, лл. 288—293.

¹⁸ В сентябре 1735 г. главный командир академии бар. И. Корф распорядился выдать Керу 100 руб. за описание «ориентальных медалей» («Материалы», т. 2, стр. 790).

венного востоковедения Г. Я. Кер вошел как автор первого проекта учреждения Восточной академии (1733). Свой проект он обосновал не только нуждами дипломатической службы в странах Востока, но и просветительной миссией России в Азии, важностью изучения восточных источников для истории России¹⁹.

Проект Кера не вызвал откликов в научном мире²⁰, более того — он был оставлен без внимания и руководством АН.

По мнению И. Ю. Крачковского, идея проекта Кера была известна Михайле Ломоносову, и, вероятно, не случайно в его черновых записях упоминается «Ориентальная академия»²¹.

И действительно, в 1758—1759 гг. в своей записке по поводу необходимости реорганизации АН Ломоносов писал: «...5) В европейских государствах, которые ради отдаления от Азии меньшее сообщение с ориентальными народами имеют, нежели Россия по соседству, всегда бывают при университетах профессора ориентальных языков. В академическом статье о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно»²².

Ломоносов прекрасно понимал важность создания в высшем научном учреждении такой страны, как Россия, центра по изучению Востока. К сожалению, не удалось установить, как было воспринято это мнение руководством академии, но прошло несколько лет, и Ломоносов вновь возвращается к этому вопросу.

В 1764—1765 гг. в проекте регламента академии, определяя «должность и труд» отдельных академиков, он упоминает и востоковедение: «§ 36. Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рас-

¹⁹ В 1821 г. Х. Френ нашел проект в бумагах академической библиотеки и опубликовал в виде приложения к своей книге: F r ä h n, Das Muhammed, Münzkabinet, стр. 101, прим. Затем проект был затерян и недавно вновь обнаружен при описании личного фонда Г. Кера, хранящегося в АВ (ф. 26).

²⁰ Много лет спустя о нем писал П. С. Савельев, — ЖМНП, 1855, ч. 39, отд. 3, стр. 27—36; М. П. Шувалов, Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера, — сб. МГА МИДа, вып. 5, М., 1893, стр. 89—110; МИФВЯ, т. IV, стр. 12—13; Крачковский, Очерки, стр. 37.

²¹ Там же. Эта мысль И. Ю. Крачковского, о чем, правда, писал еще В. В. Бартольд (МИФВЯ, IV, стр. 20), заставила обратиться к архиву и сочинениям М. В. Ломоносова.

²² ЛО ААН, ф. 20, оп. 1, л. 172 (автограф). Записка эта опубликована: М. В. Ломоносов, Собрание сочинений, т. X, стр. 50, документ № 400.

суждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение подавать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения»²³.

В этом лаконичном параграфе целая программа развития востоковедения в академии.

Ломоносовский проект регламента скорее всего разделил судьбу «Проекта» Г. Я. Кера. В последующих проектах новых регламентов академии, например в 1774 г., нет и следов мнений Ломоносова.

Заботы Ломоносова о востоковедении этим не ограничились. В штате Академического университета, готовившего кадры для академии, он предусматривал должность «профессора древностей и ориентальных языков»²⁴.

С легкой руки Петра I, сначала чтобы угодить царю, позднее это стало хорошим обычаем, вельможи, ученые, да и просто частные лица дарили, жертвовали и завещали Кунсткамере разные достопримечательности²⁵. Ее коллекции быстро росли, увеличивалось количество восточных монет и рукописей. Еще Петр предписывал «в библиотеке книгам, в куншт-каморе обретающимся разным вещам каталоги учредить». Но прошло еще много лет, прежде чем стали печататься каталоги. Для истории востоковедения представляет интерес второй том каталога коллекций Кунсткамеры²⁶. В него вошли описания нумизматических собраний, восточная часть которых была сделана по описаниям Г. Я. Кера. К концу XVIII в. относятся и первые описания востоковедных коллекций Кунсткамеры и библиотеки в журналах, предназначенных для широкой публики²⁷.

Проявляя особый интерес к пополнению коллекций, АН еще в январе 1759 г. установила «класс академических корреспондентов»²⁸. Звание это было почетным, присваивалось ученым и путешественникам, в ряде случаев они получали от АН ежегодное содержание²⁹. В то же время появляются и зарубежные корреспонденты АН, которые сообщали о заслуживающих внимание коллекциях и способствовали их приобретению. Среди отечественных корреспондентов важную роль в истории востоковедения сыграл переводчик И. Изриг, при-

²³ Там же, стр. 150, документ № 140. Подлинника этих строк не сохранилось.

²⁴ Там же, стр. 256—257.

²⁵ См., например: Пекарский, Наука и литература, т. I, стр. 56; Дорн, Аз. Муз., стр. 27 (отд. отт.).

²⁶ «Musei Imperialis Petropolitani», vol. II, pars prima, 1741.

²⁷ «Journ. für Rußland, hrsg. v. J. H. Busset, Bd 2, Jan. bis Jun 1794, St.-Pbg., 1794, стр. 128—134, 216—221, 277—280 каталог А. Леонтьева.

²⁸ ТААН, вып. 3, стр. 328.

²⁹ Станюкович, Кунсткамера, стр. 168.

славший в АН «знатнейшее» количество предметов из Китая, Тибета и Индии. Собранные им рукописи и ксилографы хранятся в наши дни в Рукописном отделе ЛО ИВАН СССР³⁰.

К концу XVIII— началу XIX в. в Академии наук имелась солидная база для создания научного востоковедения, не было только ученых-востоковедов.

В первой четверти XIX в. Россия вступила в полосу заметного хозяйственного подъема, что не замедлило сказаться на всех сторонах жизни общества. Большие изменения произошли и в области науки. В 1803 г. АН приняла новый «Регламент»³¹, в 1804 г. был издан первый общий устав русских университетов, по которому в программу обучения было введено востоковедение.

Новый регламент АН дал возможность пригласить востоковеда, хотя в самом регламенте о востоковедении не было ни слова. Этим востоковедом был Г.-Ю. Клапрот (1783—1835), сначала адъюнкт по восточным языкам и словесности (1804), затем экстраординарный академик (1807). В 1810 г. он издал первый в истории АН востоковедный сборник³².

Клапрот был несомненно незаурядным знатоком восточных языков, автором огромного количества печатных исследований, переводов, в основном с китайского языка. И тем не менее, как об этом писал П. С. Савельев более 100 лет назад³³, а в наши дни — А. Н. Кононов³⁴, заметного следа в русском востоковедении он не оставил. Осторожно относились к его необычайно плодотворной деятельности и за рубежом³⁵.

Когда в сентябре 1812 г. армия Наполеона подошла к Москве, в Петербурге было принято решение о частичной эвакуации ценностей. Эвакуирована была и часть предметов Кунсткамеры. Однако уже в декабре 1812 г. все эвакуированные материалы вернулись в Петербург. Предстояло заново устраивать экспозиции Кунсткамеры, и, как это обычно бывает в таких случаях, решено было произвести ряд перемещений, коснувшихся, в частности, коллекций восточных монет, рукописей, книг, предметов из Египта. Работа эта велась не один год, и к концу 1815 г. в Кунсткамере (или Академическом музее, как в то время называли ее) был создан ряд кабинетов, и в их числе — Азиатский. Но юридического

³⁰ В АВ хранится его небольшой личный фонд (ф. 21).

³¹ «История АН СССР», т. 2, стр. 663—686.

³² «Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachwissenschaft, Bd I, St.-Pbg., 1810, а также: «История АН СССР», т. 2, стр. 219, 249.

³³ П. Савельев, О жизни и ученых трудах Френа, СПб., 1855, стр. 46, 51.

³⁴ «История АН СССР», т. 2, стр. 219.

³⁵ См.: «Meyers Großes Konversations-Lexikon», 6-te Aufl., Bd 11, Leipzig und Wien, 1905, стр. 93.

оформления это деление тогда не получило. Прошло еще несколько лет, прежде чем он был официально учрежден.

С первых лет XIX в. во внешней политике России вновь остро встал восточный вопрос, который с годами приобретал все больший вес, особенно после Отечественной войны 1812 г., когда русская дипломатия все более стала склоняться к отказу от активного вмешательства в европейские дела и повороту к Востоку. Этот поворот во внешней политике вызвал новую волну интереса к Востоку в русском обществе.

В эти годы родился еще один «Проект Восточной академии»³⁶, автором которого был С. С. Уваров³⁷. Проект этот пользовался довольно громкой известностью как в России, так и на Западе. Экземпляр проекта Ю. Клапрот³⁸ по просьбе автора дал на отзыв Гёте³⁹. В Париже проект привлек внимание Наполеона, который велел французскому востоковеду Л. Лангле (1763—1824) доложить ему об этом проекте⁴⁰.

В России о проекте писал П. Савельев⁴¹; много позже В. Бартольд отмечал, что проект Уварова отличается такой же неопределенностью, как и проект Кера⁴². Суровой критике подверг его И. Ю. Крачковский⁴³.

Не имея возможности даже кратко изложить содержание проекта Уварова, заметим, что в нем были смешаны два вопроса — преподавание востоковедных дисциплин и исследовательская работа. Но, пожалуй, основным недостатком про-

³⁶ «Projet d'une Académie Asiatique», St.-Pbg., 1810. Без указания автора. Немецкий перевод: «Ideen zu einer Asiatischen Academie», St.-Pbg., 1811. Перевод имеет ряд дополнительных примечаний. В библиотеке ЛО ИВАН СССР хранится экземпляр с дарственной надписью, отправленный автором в Казань Х. Френу в 1815 г. Русский перевод: «Мысли о заведении в России Академии Азиатской»,—ВЕ, ч. IV, 1811, стр. 27—52, 96—120.

³⁷ С. С. Уваров (1786—1855), в то время попечитель Петербургского учебного округа, с 12 января 1818 г.—президент АН, в 1838—1849 гг.—министр народного просвещения, с 1811 г.—почетный член АН.

³⁸ См. письмо Уварова Клапроту от 20 марта 1811 г. ЛО ААН, ф. 783, оп. 2, № 93. О переписке Уварова с Гёте по другим вопросам см.: «История АН СССР», т. 2, стр. 32—33.

³⁹ Об этом писали биографы Гёте, см.: Э. Людвиг, Гёте, М., 1965, стр. 435, 577.

⁴⁰ «Etudes de philologie et de critique par M. Ouvaroff», St.-Pbg., 1843, стр. 51—52. Эта книга — собрание ученых трудов С. С. Уварова, в котором помещен и его «Проект Восточной академии» (на франц. яз., стр. 1—39). К нему приложено большое письмо Ж. де-Местра с критическими замечаниями (там же, стр. 49—65). См. также: «Азиатская академия. Заметки Хаханова о проекте Кера и проекте гр. Уварова с критическими замечаниями Де-Местра»,—«Кавказский вестник», 1902, № 8—9, стр. 44—59.

⁴¹ П. С. Савельев, Предположения.

⁴² МИФВЯ, т. IV, стр. 35—36.

⁴³ Крачковский, Очерки, стр. 70.

екта является неосуществимая в то время грандиозность замыслов.

С именем автора «Проекта» связана дальнейшая история востоковедения, ибо его стараниями были открыты в Главном педагогическом институте в Петербурге в 1818 г. кафедры арабского и персидского языков, основан был в том же году Азиатский музей Академии наук.

* * *

Изучение архивного наследия Х. Френа позволило установить, что приглашению его в Петербург предшествовала переписка, длившаяся несколько лет. Еще в феврале 1814 г. историк акад. Ф. И. Круг (1764—1844) писал Френу в Казань, предлагая ему приехать в Петербург посмотреть интересные его восточные монеты⁴⁴. В письме особо подчеркивалось, что в АН нет людей, сведущих в восточных языках.

Таким было положение востоковедения в Академии наук по свидетельству ее члена.

Два с лишним года спустя Ф. И. Круг предлагал Х. Френу составить каталог восточных монет, ввести его в состав академии⁴⁵, упоминая при этом письмо С. С. Уварова Френу.

Упоминание письма Уварова заставило обратиться к его письмам Френу. Переписка началась в январе 1815 г., когда Уваров уведомил Френа об отправке ему в Казань немецкого перевода «Проекта Восточной академии». В письме высказывалось также пожелание ближе познакомиться с Френом⁴⁶.

Из дальнейшей переписки видно, что Уваров видел в Френе того человека, который сможет возглавить академическое востоковедение. Френ увлекся идеями Уварова и обстоятельно отвечал на его письма, развивая в них свои мысли об изучении Востока в России⁴⁷. С каждым письмом Уваров все настойчивее приглашал Френа приехать в Петербург и заняться лежащими втуне в АН научными сокровищами⁴⁸. Когда же Френ решил ехать в родной Росток, где ему предложили занять освободившуюся кафедру в университе-

⁴⁴ ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 160; см. также: ф. 88, оп. 1, № 138—отпуск письма Ф. И. Круга от 4 февраля 1814 г.

⁴⁵ Параграф 24 «Регламента» АН 1803 г. давал право сделать академиком ученого, занимающегося науками, не означенными в § 3.—«История АН СССР», т. 2, стр. 668.

⁴⁶ ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 315.

⁴⁷ Личный фонд С. С. Уварова хранится в Государственном историческом музее в Москве. В нем имеется большое письмо Френа, в котором тот затрагивает вопросы критического изучения арабских рукописей и восточных монет и т. п.

⁴⁸ Например, письма от 7 апреля и 3 июня 1816 г. (ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 315).

те⁴⁹, Уваров был огорчен его выбором: «Я уже привык видеть в Вашем либеральном образе мышления будущий цвет востоковедных исследований».

В мае 1817 г. Френ выехал из Казани и прибыл в начале июня в Москву, где встретился с канцлером гр. Н. П. Румянцевым⁵⁰. Ревностный собиратель русских древностей, летописей и всего касавшегося русской истории, Н. П. Румянцев основал исторический кружок. К работе в кружке он привлек Х. Френа еще в годы его жизни и работы в Казани⁵¹.

В июне же 1817 г. Френ приехал в Петербург и уже 10 июня приступил к работе над восточными монетами и древностями Академического музея⁵². Вскоре он с головой ушел в работу, разбирая, отбирая и описывая монеты. К осени он, должно быть, решил задержаться в Петербурге до окончания работы над монетами.

24 сентября 1817 г. на заседании Конференции АН проф. Христиан Данилович Френ был избран ординарным академиком по разряду восточных словесностей. Был пущен в ход упоминавшийся § 24 регламента 1803 г.

12 января 1818 г. президентом АН стал С. С. Уваров. 22 марта 1818 г. Уваров выступил с речью на торжественном собрании Главного педагогического института⁵³ по случаю введения в заведование кафедрами восточных языков профессоров Ж.-Ф. Деманжа и Ф.-Б. Шармуа⁵⁴. Эта речь⁵⁵ — важная веха в истории нашего востоковедения и в значительной мере связана с учреждением Азиатского музея. Произносил ее 36-летний С. С. Уваров, впоследствии снискавший столь печальную славу в истории отечественного просвещения и науки. А в ту пору он был автором проекта Восточной академии, член литературного общества «Арзамас»⁵⁶, на собраниях которого он встречался с Пушкиным и Вяземским,

⁴⁹ В апреле 1816 г. Френ получил приглашение Ростовского университета занять место его учителя — покойного профессора восточной словесности О. Г. Тихсена (1734—1815) (там же, ф. 4, оп. 2(1818), № 52, л. 11).

⁵⁰ Там же, ф. 778, оп. 2, № 273, л. 16. Переписка Френа с Румянцевым охватывает период с 1815 по 1825 г. и насчитывает 110 листов.

⁵¹ Об историческом кружке Н. П. Румянцева см.: Н. Л. Рубинштейн, Русская историография, М., 1941, стр. 215—217.

⁵² ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1818 г.), № 52, л. 11 об.

⁵³ Главный педагогический институт в Петербурге был учрежден 23 декабря 1816 г., и в нем сразу же предполагалось открыть кафедры арабского и персидского языков. 8 февраля 1819 г. институт был преобразован в университет (МИФВЯ, IV, стр. 36—37).

⁵⁴ Деманж (кафедра арабского языка) и Шармуа (персидский язык) — ученики известного востоковеда Сильвестра де Саси.

⁵⁵ «Речь президента имп. Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г.», СПб., 1818; МИФВЯ, IV, стр. 36—37 — краткое изложение речи Уварова.

⁵⁶ Кличка Уварова в «Арзамасе» — «Старушка».

Жуковским и Батюшковым и другими передовыми умами эпохи.

Тем временем руководство АН делало все, чтобы удержать Френа. Его определили почетным библиотекарем Публичной библиотеки с жалованьем 1200 руб. в год, с сохранением жалованья академика⁵⁷, Комитет министров постановил засчитать прежнюю службу его в Казанском университете в счет службы в АН, что также давало прибавку к жалованью⁵⁸. Должно быть, к этому времени Френ и решил навсегда остаться на столь хлебосольно принявших его берегах Невы. Перед ним стояли в то время сложные задачи: разобрать и описать собрание в 20 тыс. монет, представлявшее из себя «неорганизованный хаос», собрать и упорядочить другие восточные материалы, чтобы на первых порах хотя бы иметь представление об имеющихся.

* * *

11 (23) ноября 1818 г. президент Академии наук С. С. Уваров направил письмо в Комитет правления АН об учреждении при академии Восточного кабинета и определении его хранителем акад. Х. Д. Френа⁵⁹. Так был создан Восточный кабинет, который впоследствии стал широко известен в востоковедных кругах как Азиатский музей⁶⁰ Академии наук.

28 ноября 1818 г. Френ получил выписку из журнала Комитета правления, в которой ему предлагалось принять у Ф. И. Шуберта «восточные рукописи, монеты и медали, кои и устроить вам в Восточном кабинете, когда означенная на сей предмет в Кунсткамере комната совершенно будет отделана»⁶¹.

Так в истории академического востоковедения начался новый период — начало работать первое в системе АН востоковедное учреждение. С первых же месяцев своего существования Азиатский музей приковывает к себе внимание знатоков и любителей Востока, которые чуть ли не ежедневно

⁵⁷ ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1818), № 52, л. 1. Дело было заведено 26 марта 1818 г., таким образом решение о создании Восточного кабинета было принято за несколько месяцев до известного письма Уварова.

⁵⁸ Там же, л. 6.

⁵⁹ ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1818), № 52 лл. 12—13; *Doгп, As. Mus.*, стр. 196—198. Копия была направлена Френу (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 1).

⁶⁰ Азиатским музеем он стал именоваться с декабря того же 1818 г., когда Х. Френ в ответ на отношение Уварова написал письмо в Комитет правления АН, в котором кратко сообщал о составе Восточного кабинета Азиатского музея (*Doгп, As. Mus.*, стр. 200).

⁶¹ ЛО ААН, ф. 4, оп. 1, № 16, § 862.2, а также § 862.3, 939.7; ф. 4, оп. 2(1818), № 52, л. 17; *Doгп, As. Mus.*, стр. 198—199, с небольшой поправкой: не за № 2134, а 2133.

подносили в дар музею разные предметы, книги и рукописи. Правда, и директор с первых же дней начал энергично действовать для пополнения собраний вверенного ему учреждения. Помимо того что он сам пожертвовал музею, следуя примеру Уварова⁶², ряд книг из личной библиотеки, добился покупки других, он также решил получить право поискать в академии материалы, касающиеся Востока и его изучения. В июне 1819 г. он обратился с запиской по этому вопросу в Конференцию АН и уже в августе представил список обнаруженных и принятых в АМ из архива Конференции документов. А несколько месяцев спустя Френ опубликовал первый отчет о работе АМ, в котором изложил также основные принципы формирования музея, стоящие перед ним задачи. Отчет этот, позволяющий, кстати, установить, когда АМ был открыт для посетителей, представляет значительный интерес⁶³. Начав донесение с сообщения о приобретении арабских, персидских и тюркских рукописей у бывшего французского консула в Алеппо Ж.-Л. Руссо⁶⁴, Френ довольно подробно описал рукописи. Затем счел нужным изложить основные принципы будущего каталога рукописей АМ, указав, по каким пунктам следует их описывать. Составление этого каталога необходимо, писал он, «дабы тогда сия часть Азиатского Музеума в одно время с прочими собраниями оного довести до большого сведения Отечества и иностранных земель»⁶⁵. «Таковые сокровища, — продолжал он, — не должны оставаться без употребления. Они должны быть употреблены в пользу наук и в пользу Отечества».

Далее он сообщал о своей работе над извлечением «исторических и географических известий о славянах, русских, козарах, булгарах и других соседственных для древней истории России важных народов» из арабских и тюркских

⁶² О пожертвованиях Уварова см. протоколы Конференции АН, 1820, § 349; 1823, § 13, 175; 1824, § 201, 379, 385 и др.

⁶³ Fraehn, Vorläufiger Bericht über eine bedeutende Bereicherung an Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften, die das Asiatische Museum der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Pbg. in diesem Jahre erhalten hat, nebst einigen Andeutungen von der Einrichtung und den sonstigen Schätzen desselben, — Beilage zu № 91 der St. Petersburg. Zeitung, 1819: *Dorn, As. Mus.*, стр. 201—216; русский перевод: Френ, Предварительное донесение, — «Санкт-Петербургские ведомости», № 93, 21.XI.1819 г. (Прибавление, 18 стр.).

⁶⁴ О коллекции: (J. L. Rousseau), *Catalogue d'une collection de cinquante manuscrits orientaux*, Paris, 1817; о продаже ее в Россию за 36 тыс. франков: «Note inconvenante sur l'achat des ses manuscrits orientaux par l'empereur de Russie», — JA, 1-re sér., t. VI, 1819, стр. 137; о владельце коллекции: H. Deherain, *Le consul orientaliste Joseph Rousseau*, — «Journal des savants», 1935, novembre-décembre, стр. 268—274; 1936, janvier-fevrier, стр. 26—35, mars-avril, стр. 72—82. Неопубликованная рецензия И. Ю. Крачковского на эту работу — АВ, Р. I, оп. 8, № 86.

⁶⁵ Френ, Предварительное донесение, стр. 11. По русскому переводу цитируется впервые.

источников, о том, что уже сделано и что еще предстоит сделать, прежде чем плоды его труда будут «изданы в печать»⁶⁶.

В АМ, извещал Френ читателей, все, кто интересуется восточными народами и их литературой, «найдут удобства, которые потребны для употребления с пользою рукописей», более того — востоковед «может пользоваться желаемою рукописью во всякое время года». Это было первое печатное приглашение ученым посещать АМ и пользоваться его научными сокровищами. Следовательно, Френ с самого начала ставил перед АМ задачи научного центра, а не только хранилища рукописей, монет и книг. Однако и этим роль АМ не должна ограничиваться. «Но желать должно, — писал Френ, — чтобы между нашими вельможами более нашлось Румянцевых⁶⁷, дабы многие главные сочинения сего собрания предварительно на оригинальном тексте могли быть издаваемы в свет теми, которые, кроме знаний, никаких к тому средств не имеют...» Нужно издавать только самые важные рукописи и только один текст, а переводы, комментарии и исследования надо предоставить будущим поколениям ученых. Значит, не хранить рукописи в шкафах музея, а делать их достоянием возможно более широкого круга ученых, использовать их для развития востоковедных знаний. А типографские возможности для таких изданий есть, подчеркивал Френ, называя типографии Казанского университета и Академии наук, «как то недавно доказал один небольшой опыт»⁶⁸.

Последние страницы этого отчета говорят о том, что уже в первые дни существования АМ⁶⁹ были заложены основы библиотеки по востоковедению (более 400 томов) и Азиатско-

⁶⁶ Выборку и перевод сведений по истории России из рукописей коллекции Руссо предложил Френу сделать Н. П. Румянцев: [А. Ивановский], Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев. Биографический очерк, СПб., 1871, стр. 46—47.

⁶⁷ В примечании 3 к стр. 13 донесения Френ сообщал, что по печатанию Н. П. Румянцева печатается «История монголов и татар, сочиненная Абулгазим». Книга эта печаталась с трудом и увидела свет лишь в 1825 г. (см. ЛО ААН, ф. 88, оп. 1, № 100; ф. 2, оп. 1 (1811), № 2).

⁶⁸ Речь шла о пробном оттиске «Ueber die Russen und Chazaren. Ein Bruchstück aus einem unedierten und bis dahin unbenutzten Arabischen Manuscripte des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Sr. Excellenz dem Herrn Präsidenten S. v. Ouwaroff, als Probe Arabischen Schrift der Akadem. Buchdruckerei vorgelegt». Оттиск сделан был по рукописи ад-Димишки, хранящейся в РО ЛО ИВ, шифр В 781. Описана была лишь в 1961 г. См. каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР, вып. 2, А. И. Михайлова, Географические сочинения, М., 1961, стр. 30—31, № 19.

⁶⁹ АМ был открыт для посетителей во второй половине июля 1819 г. 12 июля Уваров писал Френу, что Азиатский кабинет уже совсем готов: «Я самолично проверил замок, и теперь все в порядке» (ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 315).

го архива (ныне Архив востоковедов). Следовательно, в первый год работы в АМ был заложен фундамент трех отделов нынешнего ЛО ИВ — Рукописного, Библиотеки и Архива востоковедов — и сделано это было для удобства работы ученых в музее, о чем красноречиво говорится в последнем абзаце: «Таким образом, Азиатский Музей Академии, при таком сколь великом, столь разнообразном и драгоценном собрании, как зрелому знатоку восточной литературы, так и стремящемуся к оной молодому человеку не преминет доставить преизбыточную пользу, принесет достойный плод». И действительно, вся последующая деятельность этого востоковедного научного центра Академии наук блестяще подтвердила предположения Френа.

Опубликование «Предварительного донзения» в 1819 г. вызвало новый приток поступлений, особенно урожайным был 1821 год, значительно обогативший коллекцию восточных монет АМ.

В 1821 г. появляется второй отчет Френа о работе АМ (только на нем. яз.)⁷⁰. За эти годы Френу удалось упорядочить коллекцию восточных монет, систематизировать их. Завершена была отделка помещения, и коллекции были выставлены для всеобщего обозрения⁷¹.

Обогащению коллекции АМ, подчеркивал Френ, способствовало правительственное распоряжение о препровождении в Петербург всех найденных восточных монет, следить за чем поручалось губернаторам, городским головам и сельским старостам. Так АМ стал центром сбора восточных древностей. Была выпущена специальная листовка-обращение ко всем нумизматам, обладавшим коллекциями восточных монет.

Давая обзор того, что было сделано в области изучения Востока за последние годы, Френ отметил, что восточные кафедры университета и АМ стали плодотворно сотрудничать. Воспитанники кафедр постучались в двери АМ, и Френ с удовольствием и радостью распахнул их перед ними. Создание этих двух заведений, полагал Френ, «подарит России со временем солидное число дельных востоковедов — не только толмачей и переводчиков, не только знатоков языка, но и специалистов своего дела, научно образованных востоковедов. С помощью университетских кафедр и АМ, а равно через общение с народами Востока русские востоковеды обре-

⁷⁰ «Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Vorläufiger Bericht vom Director des Asiatischen Museums C. M. Frähn», St.-Pbg., 1821. В Библиотеке ЛО ИВ хранится личный интерфолированный экземпляр Х. Френа с дополнениями, исправлениями и вклейками (вырезки из газет и т. п.) — шифр XVI $\frac{4}{1}$.

⁷¹ Некоторые монеты имели от 50 до 300 дублетов, что крайне затрудняло работу над упорядочением коллекции, так как надо было выбрать самый лучший экземпляр (там же, стр. 73, прим.).

тут известность на Западе, и тогда те народы Европы, которые ранее ехали учиться в Париж, направятся в Россию, где смогут вдоволь утолить свою жажду из щедрого родника знаний Востока». Так представлял себе Х. Д. Френ будущее русского востоковедения в 1821 г.

С раннего утра до глубокой ночи просиживал директор — и он же единственный сотрудник музея, — регистрируя новые поступления, описывая их и обслуживая посетителей. Коллекции неудержимо росли, и справиться со всеми своими обязанностями Френ был уже не в состоянии. По распоряжению президента АН в помощники ему был определен «скромный ученый, положивший начало замечательному типу хранителей Азиатского музея»⁷², — Михаил Григорьевич Волков (1800—1846)⁷³. Работу в АМ он сочетал с преподавательской деятельностью в университете как помощник О. И. Сенковского.

В ноябре 1828 г. исполнилось 10 лет работы АМ, и Френ посвятил этому событию статьи, в которых рассказал о составе музея⁷⁴.

Деятельная натура директора АМ не позволяла ему ожидать сложа руки пополнения коллекций. В 1831 г. он обращается ко всем держателям восточных монет через «Санкт-Петербургские ведомости». Решил он также использовать торговые связи России со странами Востока для пополнения числа восточных рукописей. Действуя через министерство финансов, Френ издал в 1834 г. своего рода инструкцию, в которой перечислялись рукописи, представлявшие особую большую ценность для науки⁷⁵.

С момента основания АМ был резервуаром, в который стекалось все, что имело отношение к изучению Востока, включая и предметы материальной культуры. После обогащения коллекций в 30-е годы XIX в. стало очевидным, что дальнейшее сосуществование рукописей, книг, монет и предметов материальной культуры вряд ли научно оправдано. Исходя из этого, созданная в 1835 г. Конференцией АН особая комиссия решила: «...уборы и разную утварь азиатских народов новейшего времени» передать из АМ во вновь создаваемый Этнографический музей⁷⁶.

Новый академический устав 1836 г. впервые ввел востоковедение в число наук, «усовершенствованием коих академия

⁷² Крачковский, Очерки, стр. 72.

⁷³ Наиболее полно о нем см.: Гульбин, Словарь, т. I, лл. 152—157.

⁷⁴ Fraehn, Gedrängte Übersicht des Asiatischen Museums der kais. Akademie der Wissenschaften, — «St.-Petersb. Zeitung», 1829, № 71; Leipziger Litteratur-Zeitung, 1829, № 129, стр. 1026.

⁷⁵ В 1845 г. по просьбе министра финансов Ф. П. Вронченко Френ подготовил новый расширенный перечень-руководство для сбора рукописей, который был в том же году напечатан.

⁷⁶ ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1836), № 306, лл. 1—9.

должна заниматься», — в § 4 указывалась «восточная словесность и древность»⁷⁷. В приложенном к уставу штате АМ разрешалось из сумм, ассигнуемых на обогащение коллекций, выплачивать временные оклады путешественникам или собирателям, которые усердно способствуют пополнению коллекций. Это разрешение дало впоследствии АМ возможность привлекать так называемых приглашенных сотрудников. В том же, 1836 г. в АН появилось новое научное периодическое издание, в котором печатались статьи востоковедов⁷⁸.

В 1839 г. в АМ впервые поступили книги, напечатанные в странах Востока: 75 из Египта, 10 из Персии. Эти книги, украшающие в наши дни Библиотеку ЛО ИВАН СССР, убедительно доказывают, сколь плодотворным оказались усилия Френа и в этой области⁷⁹.

В декабре 1839 г. на торжественном годичном собрании АН выступил с большой речью о востоковедении в России Б. А. Дорн («О высоком значении и существенном преуспевании востоковедных штудий в России»⁸⁰). Безусловно важная для истории востоковедения речь Дорна особенно ценна приложенными к ней обширными примечаниями.

Двадцать четыре года, не покладая рук и не щадя здоровья, трудился Х. Френ в АМ. Но подорванное здоровье, слабеющее зрение, да и возраст — 60 лет заставили его отказаться от поста директора. Его преемником стал Б. А. Дорн. Закончив передачу дел новому директору, Френ написал в ОИФ докладную записку (5 августа 1842 г.), которая является и отчетом о проделанной работе и наказом новому директору, кратким историческим обзором и обращением к ОИФ и Конференции АН⁸¹. Устранившись от административных хлопот, Френ до самой смерти внимательно следил

⁷⁷ «История АН СССР», т. 2, стр. 687, а также стр. 221. Устав этот с незначительными изменениями и дополнениями просуществовал вплоть до 1927 г.

⁷⁸ «Bulletin scientifique publié par l'Académie imp. des sciences de St.-Petersbourg et rédigé par son secrétaire perpétuel». Об этом издании см.: там же, стр. 254—255. С 1849 г. стали публиковаться связанные с «Bull. scient.» «Mélanges Asiatiques» (там же, стр. 255).

⁷⁹ В январе 1838 г. Азиатский департамент МИДа сообщил директору АМ, что по его просьбе департамент носился с миссиями на Востоке о возможности приобретения книг, отпечатанных там за последние годы (ЛО ААН, ф. 778, оп. I, № 41, л. 622).

⁸⁰ Über die hohe Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der Asiatischen Studien in Rußland. Rede gehalten am 29 December 1839 von B. Dorn, St.-Pbg., 1840 (Aus dem «Recueil des actes de la séance publique de l'Académie imp. des sciences tenue le 29 décembre 1839, стр. 55—114). На русский язык не переводилась. Б. Дорн выступил с этой речью, вероятно, в связи с избранием его 1 февраля 1839 г. адъюнктом по восточным языкам.

⁸¹ Dorn, As. Mus., стр. 655—657, а также выписки из Протокола ОИФ от 5 августа 1842 г., § 106 (там же, стр. 657—658).

за деятельностью выпестованного им учреждения, за развитием востоковедения в России. Примеров тому можно привести много (например, безвозмездная передача дублетов книг по востоковедению в Петербургский и Казанский университеты)⁸².

К концу первого 25-летия своего существования в АМ окончательно определилась его структура:

- I отделение — Книги или собственно библиотека.
- II „ — Восточные рукописи, а также китайские, японские и другие ксилографы.
- III „ — Рукописные сочинения или статьи на европейских языках, надписи, планы и т. п.
- IV „ — Минцкабинет.
- V „ — Древности, талисманы, печати и другие достопримечательности и редкости⁸³.

Русские востоковеды, как отмечали зарубежные ученые⁸⁴, не только сами используют материалы АМ, но и разрешают пользоваться ими иностранцам, пересылая им во временное пользование рукописи. Добиться разрешения пересылать рукописи за границу стоило Френу немалых усилий⁸⁵. Первый раз рукопись АМ была отправлена проф. И. Козегартену, когда он начал издавать арабское сочинение «Китаб ал-агани». В дальнейшем ими пользовались И. Хаммер-Пургсталь, Ст. Жюльен⁸⁶, Ф. Вюстенфельд, К. Захау, М. Амари, С. Лен-Пуль, М. ван Бершем и многие другие⁸⁷.

Эта научная традиция, зародившаяся более 130 лет назад, соблюдается и в наши дни. Изменилась только форма предоставления материалов. Рукописный отдел ЛО ИВАН СССР, его библиотека и Архив востоковедов ежегодно отправляют зарубежным востоковедным учреждениям и отдельным ученым тысячи кадров микрофильмов, получая взамен аналогичные материалы.

Первому 25-летию работы АМ — востоковедного учреждения АН — необходимо было уделить больше внимания, ибо в те годы заложена была материальная база дальнейшего развития академического востоковедения.

⁸² Там же, стр. 105—106, 718—720.

⁸³ Там же, стр. 108—109. На последующих страницах (109—141) Дорн привел подробный состав всех отделений и количество предметов.

⁸⁴ Например, в рецензии на книгу Дорна см.: «Allgemeine Literatur-Zeitung», Halle, 1848, № 278, Monat December, стр. 1065—1069. E. Rödiger.

⁸⁵ Дорн, As. Mus., стр. 79—81.

⁸⁶ С 1839 по 1843 г. С. Жюльен обменивался с АМ дублетами книг, ксилографов и рукописей (ЛО ААН, ф. 2, оп. 1839, № 3; ф. 778, оп. 1, № 41; АВ, ф. 56, оп. 2).

⁸⁷ Документы о предоставлении материалов зарубежным ученым сохранились (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1).

На протяжении всей своей истории АМ использовал все возможности для пополнения своих собраний. Здесь в первую очередь следует назвать экспедиции и поездки востоковедов по Востоку. Когда, например, Н. В. Ханыков готовился к своей Хорасанской экспедиции (1856), Дорн обратился в ОИФ с просьбой выдать ему 1000 руб. на приобретение рукописей для АМ. Н. Ф. Катанов получил из АМ книги для обмена, когда отправлялся в путешествие по Западному Китаю. Доцент С. Ф. Ольденбург получил от АМ деньги на приобретение рукописей, когда поехал в Кашгар. В. А. Жуковский приобрел в Иране персидские и индийские литографии на средства АМ.

Для обработки коллекций и новых поступлений АМ нужны были востоковеды разных специальностей. Так, в 1848 г. Дорн обратился в ОИФ с предложением привлечь к работе в АМ Дорджи Банзарова. Просьба его была удовлетворена, деньги были отпущены, и деятельность этого ученого-бурята вошла в историю АМ⁸⁸.

В 1857 г. Дорн представил руководству академии обширную докладную записку о научной деятельности Н. В. Ханыкова и В. В. Вельяминова-Зернова и о необходимости приглашения последнего на работу в АМ⁸⁹. Еще раз Дорн вернулся к этому вопросу много лет спустя в своей докладной в ОИФ, в которой изложил свое мнение о дальнейшем развитии востоковедения, сообщил об уходе из академии В. Вельяминова-Зернова и просил направить в АМ В. Р. Розена⁹⁰. Однако все попытки увеличить штат сотрудников АМ для нужд научно-исследовательской работы не встречали отклика у руководства АН. Лишь в 1894 г. неприменный секретарь АН акад. Н. Ф. Дубровин внес проект о введении должности сотрудника музея⁹¹. Но прошло еще много лет, прежде чем этот проект был осуществлен.

В конце 50-х годов остро встал вопрос о коренном изменении устава АН. В 1857 г. проект нового устава был составлен, но утвержден так и не был. В начале 60-х годов к этому вопросу вернулись вновь. Общее подорожание жизни после Крымской войны привело к такому положению, что академики вынуждены были искать дополнительный заработок вне АН, что не могло не отвлекать их от научной работы. Руководство АН обратилось к министру народного просвещения, а последний вынужден был ходатайствовать перед царем

⁸⁸ О его работе в АМ см. раздел «Тибетология».

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 4, лл. 117—122. См. также разделы «Тюркология» и «Изучение истории Среднего и Ближнего Востока».

⁹⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 15, лл. 16—25, (28 ноября 1878 г.).

⁹¹ Там же, № 29, л. 8.

(24 декабря 1863 г.) о выработке нового устава АН⁹². Для этого была составлена комиссия, в которую вошел востоковед О. Бётлингк, к работе комиссии были привлечены также М. Броссе, Вельяминов-Зернов, Видеман, Шифнер. На одном из заседаний комиссии (3 февраля 1864 г.) слушалась записка директора АМ акад. Дорна «Об усилении числа лиц, служащих при вышеозначенном музее»⁹³. В записке говорилось, что с 1826 г., когда АМ был вполовину меньше нынешнего, штат его состоял из директора, одного хранителя⁹⁴ и двух солдат (служителей). «Одного директора достаточно и на будущее,— писал Дорн,— но его нужно поставить в такое положение, чтобы ему не нужно было еще где-то работать на стороне (Дорн, например, был еще и библиотекарем Публичной библиотеки.— Д. Б.). Директор должен больше работать для музея. Может он быть любой востоковедной специальностью. Работы у него всегда будет очень много: составление списков книг и рукописей, которые надо приобрести для музея, текущая научная корреспонденция, описание поступающих материалов. Все это оставляет очень мало времени для научной работы. Восемнадцать лет тому назад,— писал с горечью Дорн,— директор начал составлять подробный каталог мусульманских рукописей, и он теперь уже был бы напечатан, если бы он не вынужден был для своего скудного существования исправлять еще и третью должность (т. е. библиотекаря).

Один хранитель уже и сейчас едва может содержать в порядке все увеличивающийся объем музея. В музее должно быть три хранителя — два постоянных и один по усмотрению директора определенной специальности. При выборе хранителей директор будет отдавать предпочтение молодым востоковедам, которые сейчас вынуждены порой менять свои востоковедные штудии на другие занятия, ибо с самого начала не имеют перспективу найти работу по специальности. В таком случае АМ мог бы стать питомником молодых специалистов в самом высоком значении слова, а академия обрела бы еще более высокую заслугу в развитии востоковедения».

В ходе работы комиссии, когда разрабатывался особый

⁹² ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1861), № 15 — «Дело Архива Конференции № 196. О прибавке жалованья академиком и составлении нового Устава и штата академии».

⁹³ Там же, лл. 86—88 (на нем. яз., перевод мой.— Д. Б.).

⁹⁴ 14 мая 1846 г. скончался хранитель М. Г. Волков. На вакантную должность был назначен сын Х. Френа — Роберт Христианович Френ. См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 2, лл. 352, 356, 361, 378; его личное дело (там же, ф. 4, оп. 4, № 604); Аз. Муз. Памятка, стр. 114.

Отзывы о Р. Х. Френе противоречивы. В. Г. Тизенгаузен охарактеризовал его крайне отрицательно (В. Тизенгаузен, Наш Азиатский музей, — «Новое время», 1883, 29 декабря). И. Ю. Крачковский назвал его «скромным работником» (см.: Крачковский, Очерки, стр. 73).

устав для музеев АН, предложено было АМ переименовать в Восточное отделение библиотеки, так как в АМ хранятся преимущественно книги и рукописи. Это предложение, естественно, вызвало резкие возражения Дорна, и в своей записке от 24 ноября 1864 г.⁹⁵ он доказывал необходимость сохранения названия Азиатский музей. К последующей записке приложены были мнения академиков Броссе и Вельяминова-Зернова. Последний писал, что АМ «должен составлять учреждение совершенно независимое от остальной библиотеки и взведенное ближайшему надзору лица, вполне знакомого с историей и литературой Востока». Изменение названия учреждения, широко известного среди отечественных и зарубежных ученых, «произведет на них неприятное впечатление» и таит в себе угрозу слияния АМ в будущем с библиотекой АН. Жалованье же директору должно быть повышено, ибо вмененное ему в обязанность описание рукописей и монет при непрерывном обогащении музея «обращается в дело многосложное, трудное, требующее кроме обширных знаний много усидчивой работы и времени».

Возражения эти возымели действие, и на заседании общего собрания АН 4 декабря 1864 г. решено было сохранить за музеем его прежнее название⁹⁶.

В объяснительной записке к проектам устава и штата АН и ее музеев⁹⁷ доказывалась необходимость увеличения числа хранителей, а также что эта мера поможет развертыванию музейной работы и подготовке ученых по разным отраслям наук. Перед окончившим университетский курс и поступившим хранителем в музей будет открыта возможность разработкой материалов и пользованием богатой специальной библиотекой основательно ознакомиться со своим предметом, приобрести опыт и самостоятельность в науке. Это мнение отражало исторически сложившиеся судьбы академических музеев, со временем постепенно превращавшихся из пассивных хранилищ в научно-исследовательские учреждения. В полной мере это касалось и судьбы Азиатского музея⁹⁸.

Проект нового устава АН был разослан для обсуждения во все университеты страны, где вызвал целый ряд откликов, порой резко критических, а итогам всего этого было то, что

⁹⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1861), № 15, лл. 271—275 — здесь же записка от 30 ноября.

⁹⁶ Там же, лл. 292—293об.

⁹⁷ Там же, № 16, лл. 1—28.

⁹⁸ Об этом писал, например, президент АН Ф. П. Литке: «...Музеи в настоящее время перешли за пределы, при которых они необходимы лишь как пособие для трудов академиков, и достигли такого развития, при котором они более и более приближаются к значению отдельных самостоятельных заведений, имеющих свои особые цели и задачи». Новый устав АН и призван облегчить неизбежный со временем переход музеев в «особое государственное учреждение» (там же, лл. 142—143).

дела комиссии... были сданы в архив и сам вопрос отложен был на многие годы⁹⁹.

Во второй половине XIX в. в петербургском востоковедении произошли значительные перемены. После открытия в 1855 г. Факультета восточных языков Петербургского университета пополнились ряды молодых востоковедов. Коллекции восточных рукописей и книг по востоковедению в АМ, достигшие к этому времени внушительных размеров, дополнялись собраниями Публичной библиотеки, библиотек Факультета восточных языков, Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа (впоследствии переданы были в АМ). Заметно оживилось востоковедение в Русском географическом обществе.

Со временем между востоковедением академическим и университетским установились прочные связи — востоковеды АН становились преподавателями университета, а студенты и выпускники ФВЯ пополняли ряды востоковедов АН.

После избрания в 1885 г. акад. В. Р. Розена управляющим Восточного отделения Русского археологического общества отделение становится первым научным объединением русских востоковедов, а его «Записки» — первым научным востоковедным журналом на русском языке¹⁰⁰.

Произошли и некоторые перемены в характере пополнения коллекций АМ — уменьшился приток монет и рукописей, но резко увеличилось поступление книг, напечатанных на Востоке. Азиатский департамент МИДа подарил АМ большую коллекцию китайских сочинений, 111 книг поступило из Египта; заботами русского посланника в Тегеране М. Гирса было получено 64 книги, изданные в Персии; из Константинополя прибыло 77 книг. К концу 1865 г. этот раздел библиотеки АМ насчитывал уже более 400 томов¹⁰¹.

С 20 по 31 августа (1—12 сентября) 1876 г. в Петербурге работал III Международный конгресс ориенталистов (по решению II Съезда, Лондон, 1874 г.). В состав организационного комитета (председатель В. В. Григорьев) от АН были приглашены академики Б. А. Дорн и В. В. Вельяминов-Зернов. Однако оба они с докладами на съезде не выступали.

Съезд поставил перед собой цель подвести итоги изучения Востока в России и определить, что надо сделать настоящим

⁹⁹ Единственная польза для истории востоковедения — статья Дорна «Азиатский музей» (ЗИАН, т. V, 1864, стр. 163—174), в которой приведен состав АМ в 1864 г.

¹⁰⁰ Подробнее см.: А. Н. Кононов, Востоковедение, — «История АН СССР», т. II, стр. 621—634.

¹⁰¹ В. Dorn, Das Asiatische Museum im Jahre 1865, — *Mél. As.*, V стр. 453—464; его же, *Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs publiés à Constantinople en Egypte et en Perse, qui se trouvent au Musée Asiatique de l'Académie* (Lu le 1 mars 1866), там же, стр. 465—528.

и будущим востоковедам в важнейших отраслях востоковедения.

Часть книг, поднесенных съезду, была передана в библиотеку АМ¹⁰².

Частая смена директоров АМ после смерти Б. Дорна (1881) не могла не сказаться на деятельности музея¹⁰³.

Почти 70 лет просуществовал АМ, не имея официального документа, регламентирующего его положение, структуру и функции¹⁰⁴. Только в марте 1886 г. ОИФ утвердило «Положение о заведовании Азиатским музеем»¹⁰⁵.

В 1890 г. вновь была предпринята попытка пересмотреть устав и штаты АН. Президент направил всем академикам текст устава 1836 г. с просьбой написать свои соображения по его изменению. Вскоре академики подали президенту записки, среди них востоковеды — директор АМ В. В. Радлов, В. П. Васильев и К. Г. Залеман. Однако далее этого дело не сдвинулось.

После этой еще одной неудачной попытки выработать новый устав пошли по пути удовлетворения ходатайств отдельных учреждений АН. В 1893—1899 гг. были утверждены штаты и сметы ряда учреждений, в их числе и АМ. Этому предшествовала большая работа, завершившаяся запиской нового директора АМ, К. Г. Залемана, от 28 октября (9 ноября) 1898 г.¹⁰⁶.

Несмотря на частичные улучшения, интересы науки настоятельно требовали полного пересмотра устава, штата и бюджета АН. В 1901 г. группа академиков (в их числе Залеман и Радлов) выступила перед ОС АН с ходатайством о необходимости переработки устава. В январе 1902 г. вновь была создана очередная комиссия, в которую вошел директор Азиатского музея акад. Залеман. Однако труды ее опять пропали даром.

Революционные события 1905—1907 гг., потрясшие основы

¹⁰² Подробный отчет о работе съезда см.: «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876», т. I, СПб., 1879—1880, стр. I—CLXIII.

¹⁰³ В 1882 г. умер хранитель Р. Х. Френ. На его место был приглашен молодой синолог В. И. Грубе (1855—1908). О нем см.: «In Memoriam Wilhelm Grube ein Gedenken der Art, des Lebens und des Schaffens dieses hervorragenden Menschen und Gelehrten für seine treuen Freunde und Schüler», Berlin, 1908.

¹⁰⁴ «Новое время», 1883, 29 декабря; 1884, 31 декабря. Крачковский ошибочно отнес их к 70-м годам.

¹⁰⁵ «Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до имп. Академии наук и подведомственных ей учреждений. Исправлен по 1 мая 1907 года», СПб., 1907, стр. 124—129.

¹⁰⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 34, лл. 31 об.—проект штата, л. 32—утвержденный штат АМ. Вместо двух ученых хранителей вновь оставлен был один.

царизма, нашли отклик и в академии. 20 января 1905 г. в газете «Наша жизнь» появилась «Записка о нуждах просвещения в России», подписанная 342 учеными. Поставили свои подписи под ней и востоковеды К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург и В. В. Радлов. В дальнейшем политическая линия названных ученых была более или менее общей для значительной части русской буржуазной интеллигенции,— Ольденбург стал кадетом, а Залеман и Розен — октябристами.

Росли научные коллекции академических музеев, увеличился объем научно-исследовательской работы в них, росли и предъявляемые к ним требования, а их финансирование оставалось неизменным. Росла дороговизна жизни, вызванная русско-японской войной 1904—1907 гг. Поэтому вновь остро встал вопрос о пересмотре штатов и бюджета АН. В 1907 г. ОС АН образовало для этого комиссию под председательством НС С. Ф. Ольденбурга и члена комиссии К. Г. Залемана. Представленный ею в мае 1908 г. доклад ОС не удовлетворил правительственные органы, и в сентябре того же года была создана новая комиссия, в которую вошли Ольденбург и Радлов. Разработанный этой комиссией проект рассматривался правительством более трех лет. В начале 1912 г. была составлена объяснительная записка к проекту¹⁰⁷, и 5 июня 1912 г. законопроект о новых штатах АН наконец был утвержден царем.

Введение новых штатов дало право АМ увеличить число сотрудников (вместо одного хранителя трое)¹⁰⁸. Увеличен был и бюджет музея.

Ученые хранители АМ представляли собой в ту пору единственную научную силу, на которой лежала вся работа. С начала века запросы в АМ значительно выросли, о чем свидетельствует сохранившийся архив¹⁰⁹. Хотя к этому времени было уже несколько востоковедных учреждений, АМ оставался важным научным центром востоковедения в России¹¹⁰.

Еще одним свидетельством широкого признания среди востоковедов Запада научных заслуг АМ и ценности его кол-

¹⁰⁷ Там же, № 53, лл. 117—153. Два раздела посвящены академическому востоковедению: «М. Азиатский музей», л. 136, и в разделе о расходах ОИФ, лл. 144 об.— 145.

¹⁰⁸ 12 сентября 1912 г. был избран на должность ст. ученого хранителя Ф. А. Розенберг, проработавший до этого «сверх штата» более 10 лет (там же, ф. 4, оп. 4, № 1736, личное дело).

¹⁰⁹ Там же, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 35—61, а также № 40 — «Рассыльная книга Азиатского музея имп. Академии наук. 1902—1918», 195 л., в которую О. Лемм подробно записывал все отправления.

¹¹⁰ АМ в то время, писал Крачковский, «был основным центром информации обо всем, связанном с нашим востоковедением и нашими коллекциями»,— И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. V, 1958, стр. 374.

лекций являлись участвовавшие визиты зарубежных ученых. Так, например, в 1913 г., за несколько месяцев до полного прекращения научных связей с Европой, над материалами АМ работали иранист-согдолог Р. Готье и индолог С. Леви из Парижа, арабист Ф. Зарре и индолог А. Грюнведель из Берлина ¹¹¹.

Продолжая неустанно заботиться о пополнении своих коллекций, АМ в начале XX в. поддерживал деловые связи с десятками книготорговых фирм, антиквариатов и книгоиздательств многих стран мира ¹¹². Продолжался интенсивный обмен дублетами книг и рукописей с научными учреждениями, библиотеками и учеными буквально всего мира. До 1914 г. преобладал обмен с Западом. Война изменила географию обмена в сторону стран Востока.

В первые же месяцы войны 1914 г. АН была серьезно обеспокоена судьбой ценных для науки памятников. В ноябре 1914 г. была создана специальная комиссия для охраны и спасения научных ценностей на Юго-Западном и Кавказском фронтах. Активное участие в работе комиссии приняли востоковеды акад. Н. Я. Марр и И. А. Орбели, командированные АН на Кавказский фронт ¹¹³. Вскоре в АМ начали поступать армянские и мусульманские рукописи, положившие начало Ванской коллекции.

В отчете АМ за 1915 г. особо отмечена деятельность В. А. Иванова ¹¹⁴. Благодаря ему мусульманский фонд рукописей пополнился за один год большим количеством рукописей, чем за последние 25 лет. «Столь блестящие результаты собирательной деятельности г. Иванова,— говорилось в отчете,— обуславливаются его неутомимым усердием и опыtnостью в сношениях с восточными книготорговцами, приобретенной во время его путешествий по Персии и Индии». Собранная им Ивановская или Бухарская коллекция рукописей является ценной составной частью Рукописного отдела ЛО ИВАН СССР.

Пополнились собрания АМ книгами из Китая и Японии (Н. А. Невский), Индии, исмаилитскими рукописями с Памира (И. И. Зарубин), комплектами журналов из Персии (В. Ф. Минорский), материалами РКСА ¹¹⁵ и многими другими источниками.

¹¹¹ Отчет АМ за 1913 г., стр. 3. Все отсылки на отчеты АМ (1910—1919) сделаны по подшивке отчетов, хранящейся в Библиотеке ЛО ИВ (шифр Р 393).

¹¹² Переписка с этими учреждениями сохранилась в делах АМ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929).

¹¹³ «История АН СССР», т. 2, стр. 468.

¹¹⁴ В. А. Иванов с 1915 г. работал мл. ученым хранителем АМ по найму, т. е. вне штата.

¹¹⁵ С момента создания РКСА в АМ была заведена «Книга для за-

На 1 марта 1916 г. в АМ работало семь сотрудников: К. Г. Залеман — директор; старшие ученые хранители О. Э. Лемм и Ф. А. Розенберг; младшие ученые хранители С. Е. Винер, В. М. Алексеев и А. А. Лорис-Мелик-Калантаров, а также откомандированный МНП в АМ Н. Д. Миранов¹¹⁶.

После смерти директора Азиатского музея акад. К. Г. Залемана (30 ноября 1916 г.) на заседании ОИФ директором музея был избран акад. С. Ф. Ольденбург (с октября 1904 г. — НС АН).

Наступил 1917 г. — Азиатский музей вступил в 99-й год своего существования, и надо было подумать о приближающемся 100-летию. В январе 1917 г. решено было подготовиться к этой знаменательной дате «хотя бы краткие описи главнейших рукописных собраний музея»¹¹⁷. Однако в мае 1917 г. директор АМ просил Отделение исторических наук и филологии снять вопрос «о способах ознаменования 100-летнего юбилея АМ... ввиду сокращения средств государства и по несвоевременности»¹¹⁸.

Впереди был октябрь 1917 г.!

II

(1917—1968)

История востоковедения в Азиатском музее Академии наук делится на два периода: вековой — до 1917 г. и полувековой — после Великой Октябрьской социалистической революции.

К началу XX в. научное востоковедение окончательно сложилось как комплекс гуманитарных наук¹: история, лингвистика, литературоведение, философия, а также археология,

писывания пожертвований от Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии... 1903—1906» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 42). Ольденбург постоянно заботился о передаче в АМ материалов, собранных сотрудниками комитета (например, Ц. Жамцарано, Б. Бардинным и др.).

¹¹⁶ Список личного состава имп. Академии наук и подведомственных ей учреждений на 1916 г. Исправлен на 1 марта 1916 г., Пг., 1916, стр. 58—59.

¹¹⁷ Протоколы ОИФ, 11 января 1917 г., § 31.

¹¹⁸ Там же, 17 мая 1917 г., § 271.

¹ Н. И. Конрад, Старое востоковедение и его новые задачи, — Н. И. Конрад, Запад и Восток. Статьи, М., 1966, стр. 7.

эпиграфика и этнография. А ученые были в значительной мере востоковедами-универсалами.

Само собой разумеется, что после Октября 1917 г. перед востоковедением, как и вообще перед всей русской наукой, встали совершенно новые задачи — задачи, поставленные перед ней новым советским государственным строем. Сразу же перевести науку на новые рельсы было невозможно. Ведущие ее представители, среди которых были и ученые передового направления, и приверженцы «аполитичности» науки, и откровенные реакционеры, по своей социальной принадлежности были в основном представителями свергнутого класса.

25 октября 1917 г. над Невой прогремел исторический выстрел крейсера «Аврора», известивший мир о начале новой эры. Гулким эхом раскатился он по просторному двору Академии наук на Университетской набережной, дрогнули стекла здания Азиатского музея в Таможенном переулке, но внутри все осталось прежним. Судить об этом можно как по отчету о деятельности АН за 1917 г., так и по сохранившимся, к сожалению довольно скудным, архивным документам.

В отчете АМ за 1917 г. есть такие строки, характеризующие работу музея в целом: «Политические события минувшей весны не могли, конечно, не отразиться на работах по музею. С внешней стороны нормальный ход занятий не был нарушен, и музей не переставал быть доступным для занимающихся. Замечалась, однако, значительная убыль посторонней, так сказать более или менее случайной публики... Взамен того посещаемость со стороны ученых-востоковедов с января до наступления обычного летнего затишья² если не усилилась, то, во всяком случае, не понизилась, выражаясь в цифре 471»³. Нельзя не обратить внимания, что в отчете упоминаются лишь «политические события» весны 1917 г.

В первой половине 1917 г. сотрудники АМ обсуждали на заседаниях вопросы расширения деятельности музея, изменения в штатах и предстоящий в 1918 г. 100-летний юбилей. Однако, как сказано в отчете, «события не дали осуществиться этим проектам в течение отчетного года».

Продолжалось в 1917 г. вызванное войной уменьшение поступлений (1914 г.—2716 единиц, 1917 г.—511). Работали

² Летом жизнь в АМ обычно замирала. Часть сотрудников уходила в отпуск, другие уезжали в экспедиции и научные командировки. А в начале сентября 1917 г. музей для посторонней публики был вообще закрыт в связи с подготовкой к частичной эвакуации рукописей, состоявшейся 12 октября.

³ Отчеты АМ цитируются по подшивке отчетов, хранящейся в Библиотеке ЛО ИВ (шифр Р 393).

приглашенные сотрудники В. А. Иванов и Б. Б. Барадийн. Для разбора арабских рукописей Ванской коллекции был приглашен доцент университета И. Ю. Крачковский. В работе АМ принимал участие и акад. В. В. Бартольд, под наблюдением которого А. А. Ромаскевич описывал персидские рукописи Ванской коллекции, а П. А. Фалев — турецкие.

Так протекала работа АМ в 1917 г., т. е. все шло по старому.

В начале 1918 г. директор представил на рассмотрение Совета АМ проект частичной реорганизации структуры. После тщательного рассмотрения с участием академиков-востоковедов и внесения частичных изменений ОИФ разрешило новое деление АМ:

- I отделение — Книги на европейских языках.
- II " — Азиатский архив.
- III " — Восточные рукописи и книги, напечатанные на Востоке.
- IV " — Нумизматика, эпиграфика, археология⁴.

Значительные изменения произошли в 1918 г. в штате АМ: после смерти ст. ученого хранителя О. Э. Лемма ОИФ 18 сентября 1918 г. избрало доцента Петроградского университета В. М. Алексеева вторым ст. ученым хранителем, и он был назначен заведующим отделом Дальнего Востока. Появились в штате и первые научные сотрудники⁵.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин сосредоточил все силы партии и освобожденного народа на построении социалистического общества. Осуществление этой задачи было невозможно без использования всех достижений науки. «От раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах»⁶.

Надо было привлечь к социалистическому строительству старых специалистов, привлечь Академию наук. Уже 9(22) ноября 1917 г. в Комиссии по народному просвещению был создан специальный отдел, в ведение которого была

⁴ В связи с новой структурой АМ отчет за 1918 г. впервые был составлен по отделениям.

⁵ Должность «научный сотрудник» впервые встречается в отчете АМ за 1918 г.

⁶ В. И. Ленин, Успехи и трудности Советской власти,— Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 55.

передана и Академия наук. А в самом начале 1918 г. отдел обратился к АН с предложением о совместной работе с Советской властью.

24 января 1918 г. состоялось экстраординарное Общее собрание АН, на котором С. Ф. Ольденбург информировал ученых о предложении отдела. Академия ответила, что в принципе у нее не возникало сомнений относительно возможности работы под руководством Советской власти. А 20 февраля 1918 г. Общее собрание АН приняло знаменитое решение: «Академия наук полагает, что значительная часть задач ставится самой жизнью, и академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»⁷. Это был ответ АН на предложение Советской власти, известное под названием «Положение к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства» от 26 января 1918 г.⁸.

Столь быстрый переход ученых к выполнению задач Советской власти В. И. Ленин предсказал еще в декабре 1917 г.: «...образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитализма»⁹.

По-иному прозвучала и речь неперменного секретаря АН С. Ф. Ольденбурга на годичном собрании 29 декабря 1918 г. «В непрестанном стремлении своем к свободе,— обращался он к Общему собранию АН,— сознательной и сознаваемой, человечество рвет одну за другой все цепи, которые сковывали его, но одну цепь оно никогда не рвет, а кует ее все крепче и крепче — это якорную цепь преемственности развития человеческой мысли, и каждый честный научный работник может и должен чувствовать себя звеном этой великой цепи»¹⁰.

Были в этой речи и такие слова: «В наши трудные и сложные дни многие склонны падать духом и не понимать тех величайших переворотов, которые совершаются во всех странах, у всех народов, переворотов глубоко болезненных и мучительных, но тем не менее великих и замечательных»¹¹.

В связи с поворотом, происшедшим в АН, нельзя не упомянуть о встречах неперменного секретаря АН и директора

⁷ Протоколы РАН, 1918, § 47, стр. 31—32.

⁸ См.: «Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1923). Сборник документов», Л., 1968.

⁹ В. И. Ленин, Как организовать соревнование? — Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 198.

¹⁰ Отчет РАН за 1918 г., стр. 1.

¹¹ Там же, стр. 16.

АМ С. Ф. Ольденбурга с главой Советского государства В. И. Лениным¹².

Первая встреча после Октябрьской революции произошла, видимо, незадолго до переезда В. И. Ленина в Москву, в Смольном. Часа два беседовал Ленин с Ольденбургом о нуждах академии. Во время беседы В. И. Ленин говорил и о важности изучения Востока, о необходимости приблизить востоковедение к трудящимся массам России. Присутствовавший на беседе Бонч-Бруевич вспоминал позднее: «Вот ваш предмет,— говорил В. И. Ленин, обращаясь к Ольденбургу,— как будто бы он далек от нас, но он и близок к нам... Идите в массы, к рабочим и расскажите им об истории Индии, обо всех вековых страданиях этих несчастных поработанных и угнетенных англичанами масс, и вы увидите, как отзовутся массы нашего пролетариата. И сами-то вы вдохновитесь на новые исследования, на новые работы огромной научной важности»¹³.

В начале апреля 1918 г. В. И. Ленин принял С. Ф. Ольденбурга вместе с приехавшей из Петрограда группой академиков и беседовал с ними о постановлении Академии наук, в котором предлагалось широко развернуть работу по исследованию естественных богатств Советской России. В ходе беседы затронуты были также различные научные проблемы¹⁴.

Встреча и беседа группы академиков в апреле 1918 г. с В. И. Лениным, несомненно, имели огромное значение в жизни всей Академии наук. Об этом можно, например, судить по отчету о деятельности АН за 1919 г., в котором Ольденбург писал: «...у научных работников есть ясное сознание их долга перед страной и народом не давать прекращаться ни

¹² Встречи и беседы В. И. Ленина с С. Ф. Ольденбургом — еще мало исследованная тема самостоятельной работы. Мы остановимся лишь на трех встречах.

¹³ В. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин в Петрограде и в Москве, М., 1956, стр. 32. Это была не первая встреча С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным. Первый раз приват-доцент Петербургского университета С. Ольденбург встретился с Владимиром Ульяновым еще в 1891 г. Сдававший в ту пору весной и осенью государственные экзамены Владимир Ильич хотел встретиться с человеком, хорошо знавшим его безвременного погибшего брата Александра. Он хотел узнать некоторые подробности о жизни и научной деятельности своего брата и сестры О. И. Ульяновой, слушательницы Высших женских (Бестужевских) курсов (умерла в мае 1891 г.), с которой также встречался Ольденбург. Ольденбург многое мог рассказать Владимиру Ильичу о его брате Александре, с которым он не раз встречался на заседаниях студенческого Научно-литературного общества в 1886—1887 гг. А. И. Ульянов был одним из секретарей общества. И беседа с Владимиром Ульяновым состоялась. Об этой встрече см.: С. Ольденбург, Несколько воспоминаний об А. И. и В. И. Ульяновых, — «Красная летопись», М., 1924, № 2, стр. 18.

¹⁴ Об этой встрече см.: «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина», — В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 690.

на минуту этой научной работе, без которой не мыслима никакая культура, никакая разумная человеческая жизнь»¹⁵.

Оживилась и деятельность АМ, о чем свидетельствует отчет за 1919 г. Хотя, как писалось в нем, связей с зарубежными научными учреждениями все еще не было, печатное дело в стране было расстроено, собрания АМ продолжали пополняться.

Сложной и полной лишений была жизнь в Петрограде в 1917—1919 гг., и все же учреждения АН продолжали работать. Подводя итог деятельности РАН за эти годы, Ольденбург писал о библиотеках и музеях: «Несмотря на все испытываемые трудности, эти академические учреждения обогатились первоклассными собраниями и научными сокровищами исключительного значения, причём благодаря энергии академических работников спасен от гибели громадный материал»¹⁶.

Новая политика Советского государства по отношению к странам Востока требовала совершенно иной постановки востоковедения. Уже в первые годы Советской власти произошли коренные изменения в востоковедных учебных заведениях, в которых востоковеды АН сыграли, пожалуй, решающую роль. В 1918 г. началась реформа старых высших учебных заведений РСФСР, создавались новые вузы. Группа востоковедов АН во главе с акад. Н. Я. Марром осенью 1918 г. организовала вместо бывшего Лазаревского института восточных языков в Москве Переднеазиатский институт. Позднее он был переименован в Армянский и просуществовал до учреждения Московского института живых восточных языков (позднее Московский институт востоковедения)¹⁷. Востоковеды АН и ФВЯ приняли также участие в создании Восточного отдела Академии Генерального штаба в Москве, Восточной академии в Ташкенте и востоковедных кафедр на Филологическом факультете Ташкентского университета¹⁸.

Одновременно с созданием институтов живых восточных языков в Петрограде и Москве учрежден был Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

На торжественном заседании по случаю 5-летия МИВ им. Нариманова 21 ноября 1925 г. бывший заместитель наркомнаца Диманштейн напомнил, что «идея создания инсти-

¹⁵ Отчет РАН за 1919 г., стр. 21—22.

¹⁶ С. Ф. Ольденбург, Работа РАН за последние три года 1917—1919, — «Наука и ее работники», Пг., 1920, № 1, стр. 11.

¹⁷ НВ, 1922, № 1, стр. 456—457; М. Благовещенский и П. Фесенко, Двадцать лет Московского института востоковедения, — «Труды Московского института востоковедения», сб. № 2, М., 1940, стр. 3—19.

¹⁸ НВ, 1922, № 1, стр. 458.

туда впервые была выдвинута Максимом Горьким, подавшим тов. Ленину соответствующую записку, на которой тов. Ленин положил обширную резолюцию с заданием Наркомнауке немедленно приступить к созданию института»¹⁹.

В 1920 г. Коллегия востоковедов Факультета восточных языков Петроградского университета составила «Записку об учреждении Института живых восточных языков»²⁰. 7 сентября 1920 г. было издано постановление СНК о создании Центрального института живых восточных языков, подписанное В. И. Ульяновым (Лениным)²¹, 25 ноября того же года — «Положение о Центральном институте живых восточных языков»²². Еще до опубликования «Положения», 20 октября 1920 г., Институт живых восточных языков был открыт в Петрограде. Первым директором его был избран научный сотрудник АМ проф. В. Л. Котвич.

«Присутствие в преподавательском составе института не только университетских профессоров-востоковедов, но и членов Российской академии наук,— писал А. Н. Самойлович,— естественно ставит институт в исключительно благоприятное положение, закрепляя за институтом по существу дела первенствующее место среди российских практических востоковедных школ»²³. С первых дней существования ПИЖВЯ в нем работали многие сотрудники АМ: Алексеев, Владимирцов, Крачковский, Ольденбург, Ромаскевич, Самойлович, Фрейман, позднее — Баранников, Бертельс, Конрад, Ю. Марр, Тубянский, Щербатской и др.

В 1921 г. ученые Петрограда обратились к Председателю Совнаркома В. И. Ленину с историческим документом — «Запиской русских ученых о мероприятиях для сохранения и поддержания научной работы»²⁴. Составлена она была А. Е. Ферсманом, а поправки в нее были внесены В. А. Стекловым и М. Горьким. В ней говорилось и о музеях, их новой роли в новом государстве.

Для вручения этой «Записки» в Москву поехали А. М. Горький и делегация Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда в составе неперменного секретаря РАН и директора АМ акад. С. Ф. Ольденбурга, вице-президента РАН акад. В. А. Стеклова и президента Военно-медицинской академии проф.

¹⁹ НВ, 1925, № 10—11, стр. 368.

²⁰ Справочные сведения по ПИЖВЯ (1920—1923 гг.), Л., 1924, стр. 51—57; см. также НВ, 1922, № 1, стр. 458.

²¹ Справочные сведения..., стр. 58—59.

²² Там же, стр. 60—62, Весной 1922 г. ЦИЖВЯ был переименован в ПИЖВЯ, в 1924 г. — в ЛИЖВЯ, позднее — в ЛВИ.

²³ НВ, 1922, № 1, стр. 458.

²⁴ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1920), № 7.

В. Н. Тонкова²⁵. В. И. Ленин принял делегацию 27 января 1921 г., и тогда же состоялась еще одна встреча Ольденбурга с человеком, который произвел на него столь огромное впечатление.

Вспоминая через несколько лет об этой встрече, Ольденбург писал, что во время беседы с делегацией В. И. Ленин изложил свои взгляды на науку и ее роль в Советском государстве: «Ленин, со свойственной ему ясностью и определенностью, свое отношение к науке выявил в двух направлениях: что ждет и вправе ждать от науки жизнь и государство и чего, с другой стороны, может ждать и требовать от государства наука... Имейте в виду, говорил Владимир Ильич, что теперь широкие массы, стяхнув с себя старую власть, взяли свою жизнь в собственные руки, они являются вершителями жизни, в которой и вам, представителям науки, принадлежит соответствующее место. Но место это и вообще возможность надлежащим образом работать научно будет зависеть от того, насколько значение науки будет понято массами, насколько они смогут на нее смотреть не как на праздное, ненужное для жизни времяпрепровождение, а как на тяжелый по своей сложности, необходимый и производительный труд. Мы, я и другие, конечно, понимаем значение науки, но сейчас не в нашем понимании дело, а в понимании масс.

Чего же вправе ждать и требовать со своей стороны наука от государства? На это Владимир Ильич ответил опять очень ясно: «Несомненно очень многого, и если сейчас (надо помнить, что это говорилось в труднейшие для страны годы) возможности страны и в этом отношении еще недостаточно велики, то все-таки удовлетворение нужд науки должно быть поставлено на одно из первых мест теперь же»²⁶.

«Я лично,— закончил Владимир Ильич беседу с делегацией,— глубоко интересуюсь наукой и придаю ей громадное значение. Когда вам что нужно будет, обращайтесь прямо ко мне»²⁷.

В Архиве АМ сохранился черновик отчета о работе музея за 1921 г.²⁸, писанный рукой ст. ученого хранителя Ф. А. Ро-

²⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 52, стр. 362, прим. 86; см. также: М. Горький, В. И. Ленин,— «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», М., 1958, стр. 244.

²⁶ Уже 1 февраля 1921 г. Совнарком обсуждал проект декрета о средствах, необходимых для нормальной работы научно-учебных и научно-технических учреждений РСФСР (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 52, стр. 362, прим. 86).

²⁷ ЛО ААН, ф. 208, оп. 1, № 242, лл. 3—4 — набросок доклада «Ленин», прочитанного С. Ф. Ольденбургом 22 января 1927 г. на сессии АН СССР.

²⁸ На протяжении трех лет (1920—1922) академия в силу материальных затруднений не имела возможности печатать свои годовые отчеты, не

зенберга²⁹. Хотя это и чисто официальный документ, изложенный скупо и сухо, он дает прекрасное представление о сложной жизни АМ в годы гражданской войны. Недостаток топлива, полное отсутствие освещения крайне затрудняли работу АМ, но тем не менее ученые-востоковеды усилили свою работу. К концу года число посещений достигло 598, значительно увеличилась выдача и обмен книг. Все это говорило о возникновении у востоковедов потребности включиться в общий созидательный труд в стране.

Отрадным было возвращение в сентябре 1921 г. эвакуированных еще в 1917 г. восточных рукописей и золотых монет³⁰. И в этом важном для академии событии мы вновь видим заботу В. И. Ленина, подписавшего распоряжение СНК о реэвакуации³¹.

Отчет сообщал о состоявшемся в 1921 г. учредительном собрании вновь основанной при АМ Коллегии востоковедов (КВ). Этому факту придавалось большое значение: «Отныне Аз. Музей является осведомительной централью по всем вопросам научного востоковедения».

Создание КВ было важным событием в истории советского востоковедения. 24 апреля 1921 г. на частном собрании, на котором присутствовали Ольденбург и Бартольд, была высказана мысль об образовании при АМ координирующего востоковедного органа. Докладывая об этом на очередном заседании ОИФ 27 апреля, Бартольд сказал, что от коллегии «органы правительственной власти могли бы получать ответы на вопросы, связанные с востоковедением», а коллегия «со своей стороны могла бы вступать в сношения с правительственными властями по тем же вопросам». Для организации КВ ОИФ избрало комиссию в составе пяти человек — Котвич, Крачковский, Ольденбург, И. Орбели и председатель В. Бартольд. 15 мая 1921 г. КВ собралась первый раз, и присутствовавшие на этом заседании подписали ее «Положение»³². Девять лет длилась плодотворная деятельность КВ вплоть до организации в 1930 г. Института востоковедения АН.

Организация КВ была первым шагом на пути к объединению востоковедных кадров, завершившемуся в 1930 г. созданием ИВ.

печатались, следовательно, и отчеты о деятельности АМ. Краткие сведения о работе АМ за 1918—1923 гг. см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 70, лл. 4—6.

²⁹ Там же, № 67, лл. 5—9.

³⁰ Там же, ф. 2(1918), № 9, л. 197.

³¹ Распоряжение Совнаркома 1920 г. о реэвакуации рукописей и книг БАН из Саратова, — «Библиотека АН СССР. 1728—1929, Краткий очерк и путеводитель», Л., 1929, стр. 93.

³² «Положение» о КВ было недавно обнаружено в личном фонде акад. В. В. Бартольда (ЛО ААН, ф. 68, оп. 1, № 432, л. 186).

История каждой науки находит много ценного материала в отчетах о деятельности АН за первые годы Советской власти. Большой интерес представляют они и для востоковедения, так как написаны они были выдающимся востоковедом и одним из крупнейших организаторов молодой советской науки — акад. С. Ф. Ольденбургом. «Общие отчеты о деятельности РАН», т. е. вступительные речи неперменного секретаря, произносимые на годовых заседаниях АН,— это своего рода летопись становления науки Страны Советов.

Отчет о работе РАН за 1923 г. занимает с этой точки зрения исключительное место.

«Отчет этот был кончен,— обратился Ольденбург 2 февраля 1924 г. к ОС РАН,— когда до нас дошла весть, что скончался большой человек, которому и научная работа в России и академия многим обязаны,— Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Еще три года тому назад, когда Академия наук обратилась к правительству с запиской о тяжелом положении русской науки и русских ученых, Владимир Ильич, с присущей ему энергией и отзывчивостью, принял личное участие в тех мерах, которые были срочно намечены правительством, и постоянно, с неослабным вниманием среди громадных своих работ он сознательно уделял время заботам о науке, твердо веря в ее громадное значение для жизни. Заботы эти были и о науке вообще и об отдельных научных учреждениях. Так, академия будет всегда помнить, что лишь благодаря энергичному личному участию Владимира Ильича ей было возвращено столь необходимое для нее здание библиотеки.

Мы твердо уверены, что то глубокое понимание значения науки для культуры страны и для всего ее будущего, которое отличало Владимира Ильича, разделяется всеми теми, кому пришлось принять его громадное наследство, и что Академия наук при вступлении своем в третье столетие своего существования встретит в правительстве ту же всемерную поддержку в своей работе, которую ей оказывал Владимир Ильич»³³.

Эти слова без преувеличения можно назвать пророческими. И в наши дни—46 лет спустя после того, как они были произнесены, и через полвека с момента создания Советского государства — они наполняют нас чувством гордости за нашу советскую науку, благодарностью нашей партии и правительству за постоянную о ней заботу, завещанную В. И. Лениным.

В тот день, когда Ольденбург произносил речь, исполнилось 200 лет со дня основания Академии наук.

Несмотря на тяжелое положение в стране, государство

³³ Отчет РАН за 1923 г., стр. 1.

находило средства для развития востоковедной науки. Ярким примером заботы Советского правительства о востоковедении являются слова из отчета о работе АМ за 1923 г.: «В АМ продолжали поступать *большие партии* (курсив мой.— Д. Б.) заграничных изданий, приобретенные на местах при посредстве и по заказу находившихся в заграничных командировках академиков Ф. И. Щербатского, В. В. Бартольда и с июля месяца — С. Ф. Ольденбурга. Средства на эти приобретения были отпущены Наркомпросом».

В 1924 г. АМ переехал в здание Библиотеки АН, что позволило постепенно развернуть собрания и приступить к более подробному их описанию. После многих лет перерыва в 1924 г. начали поступать в АМ зарубежные востоковедные издания, а также газеты, журналы и брошюры на доселе бесписьменных языках народностей Кавказа.

В 1925 г. АН СССР торжественно праздновала свое 200-летие. Это был праздник молодой науки Советского Союза, в котором приняло участие до тысячи гостей из всех республик СССР и 22 зарубежных стран. АН СССР получила более 2000 приветственных адресов. В помещениях АМ были развернуты три выставки: 1) Персидские миниатюры, 2) Развитие китайской книги и 3) Среднеазиатская и индийская письменность. Приезд значительного числа зарубежных ученых способствовал восстановлению международных научных связей.

Личный состав АМ распределялся в 1925 г. следующим образом:

По отделам			
Директор	1	I отделение	5
ст. ученых хранителей	2	Мусульманский мир	3
мл. " " " " "	2	Дальний Восток	6
научных сотрудников		Кавказ	1
I разряда	7	Семиты	2
II разряда	5	Средняя Азия и Индия	1
научно-техн. сотрудник	1		
Всего		Всего	
18		18	

Как и во многих других науках, остро чувствовалась в эти годы нехватка квалифицированных кадров в востоковедении. Так, С. Ф. Ольденбург был директором АМ, возглавлял КИПС, КЭ, Тихоокеанскую комиссию, занимал пост НС и временно исполнял обязанности вице-президента, был редактором ряда изданий АН, а в самом АМ заведовал Азиатским архивом; акад. Н. Я. Марр — директор ЯИ, руководитель КИАИ, председатель ГАИМК, директор ГПБ, директор Института этнических и национальных культур народов Востока СССР (в Москве), председатель Центрального совета

СНР, член Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; В. В. Бартольд — председатель КВ при АМ, Радловского кружка при МАЭ, исполнял обязанности директора АМ (сентябрь — ноябрь), председатель Ленинградского отделения Общества изучения Азербайджана и т. д.³⁴. Кроме того, все академики-востоковеды вели преподавательскую деятельность в ЛИЖВЯ и ЛГУ. Такое положение остро ставило вопрос о подготовке новых научных кадров, и готовить их должна была сама АН соответственно своим потребностям. В 1926 г. в АН был учрежден институт «практикантов»³⁵. Появились практиканты и в АМ³⁶.

На 26 мая 1926 г. в хранилищах АМ было книг:

Каталогизированных	131 250	томов
Некаталогизированных, дублетов и пр.	ок.	35 000
Периодических изданий (1539 названий)	ок.	20 000
Рукописей		15 500

Если к этому добавить, что на конец 1926 г. количество поступлений насчитывало 5410 названий (без газет), что посетили АМ 1839 человек, то можно сказать, что музей начал жить полнокровной новой жизнью. Именно новой жизнью, ибо АМ все более приближался к научно-исследовательскому учреждению. Время кунсткамер давно прошло, и если на Западе сотрудники ряда музеев скорее коллекционеры, чем исследователи, то в Советском Союзе «такая поставка дела изжита».

На состоявшийся в феврале — марте 1926 г. I Туркологический съезд в Баку выезжала с докладами группа ленинградских востоковедов во главе с директором АМ (подробнее о съезде см. в разделе «Туркология»).

В таком состоянии Азиатский музей вступил в 1927 год — завершающий год первого десятилетия Советского государства.

Несмотря на все происки врагов Страны Советов, все трудности восстановительного периода, молодое государство рабочих и крестьян крепло с каждым годом и в 1927 г. торжественно отметило первое десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. По установившейся традиции вся страна подводила итоги своего труда за минувшее десятилетие³⁷.

³⁴ Подробнее см.: Отчет АН СССР за 1926 г., стр. II, 29—39.

³⁵ П. П. Сушкин, Подготовка новых работников академии, — «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927», Л., 1927, стр. 226—235; «Правила о приеме практикантов», стр. 230—231.

³⁶ О работе практикантов АМ см.: Отчет АН СССР за 1926 г., ч. I, стр. 226—227, 219.

³⁷ 2 июля 1927 г. СНК СССР утвердил первый советский Устав АН СССР, сменивший окончательно обветшавший и обросший бесчислен-

Развитию востоковедения за 10 лет был посвящен ряд статей, среди которых особое место занимают статьи С. Ф. Ольденбурга³⁸, так как в них был дан подробный обзор и анализ работы востоковедных учреждений страны, говорилось о задачах востоковедения.

Много места отведено в статьях роли АМ и КВ в советском востоковедении, а также работе за 1917—1927 гг. буквально всех востоковедных учреждений Советского Союза.

Помимо этих ныне забытых работ С. Ф. Ольденбурга можно назвать и статьи других авторов, посвященные той же теме³⁹.

«Несколько особое место в конструкции академии занимает Азиатский музей,— читаем мы в отчете АН за 1927 г.,— который лишь частично, своими временными выставками, может быть приравнен к музеям, в действительности же является *научно-исследовательским институтом* (курсив мой.— Д. Б.) с обширной библиотекой и собранием восточных рукописей»⁴⁰. На протяжении всей истории АМ подобная мысль проскальзывала не раз, то глухо, то более отчетливо, но столь определенно и перед лицом всей академии она прозвучала впервые. АМ добился наконец признания своих заслуг в науке, и можно сказать что с этого времени вскоре последовавшая реорганизация музея в научно-исследовательский институт была в какой-то степени чисто внешней мерой, юридическим оформлением уже достигнутого.

В 1927 г. начался период организационных мероприятий в советском востоковедении — создание двух новых востоковедных учреждений в системе АН СССР. Поскольку оба они — ИНБУК и ТУРК — позднее объединились с АМ и КВ в единый Институт востоковедения, надо сказать несколько слов об истории их создания.

ИНБУК. Хронологически первым документом в истории этого учреждения можно, пожалуй, считать письмо С. Ф. Ольденбурга заместителю народного комиссара по иностранным

ными поправками и дополнениями, но все еще действовавший академический устав 1836 г. По новому Уставу АН разделялась на два отделения — Отделение физико-математических наук (ОФМ) и Отделение гуманитарных наук (ОГН), в ведение которого отныне отходил АМ. О новой структуре АН см. «Устав Академии наук Союза Советских Социалистических республик», Л., 1927; Б. Н. Мо л а с, Структура Академии наук СССР,— «АН СССР за десять лет. 1917—1927», Л., 1927, стр. 1—7.

³⁸ С. Ольденбург, Востоковедение,— сб. «Общественные науки СССР. 1917—1927», М., 1928, стр. 309—340; его же, Востоковедение,— «АН СССР за 10 лет», стр. 140—154.

³⁹ Например: М. Павлович, Задачи и достижения советского востоковедения,— НВ, 1927, № 16—17, стр. III—XIII. Весь номер был посвящен 5-летию НАВ.

⁴⁰ Отчет АН СССР за 1927 г., I, стр. XI. О новой роли академических музеев в СССР см. также: А. Е. Ферсман, Музейное, выставочное и лекционное дело,— «АН СССР за десять лет. 1917—1927», стр. 178—187.

делам М. М. Литвинову (17.II.1927), в котором обращалось внимание НКВД на важность создания ИНБУК.

13 апреля 1927 г. акад. Ф. И. Щербатской представил на заседание ОИФ АН СССР составленную совместно с С. Ф. Ольденбургом и М. И. Тубянским объяснительную записку об учреждении в составе АН «Института для изучения буддийской культуры». В записке говорилось о значении буддийской культуры, дающей обширный материал для изучения общественной истории народов огромного региона. Указывая на недостатки западной буддологии, ее ограниченность, составители записки подчеркивали передовую роль русской буддологии. Отмечалось и развитие в XX в. изучения буддизма в странах Востока. Завершалась записка следующим заявлением: «Это повсеместное развитие исследовательской работы на Востоке ставит перед нашей буддологией новые обширные задачи обозрения, учета и использования нового материала наряду со старым и требует пристального внимания к актуальной работе на многоязычном Востоке и усиления живой связи с его научными деятелями и учреждениями. Для сохранения, укрепления и расширения достигнутых позиций, для сохранения за советской буддологией руководящей роли необходимо объединение ее сил и ресурсов в виде научного учреждения, имеющего целью более строгую, систематическую организацию ее работы и установление и развитие связи с современной буддологической работой на Востоке».

13 мая 1928 г. постановлением СНК СССР «О составе научных учреждений АН СССР» был утвержден ИНБУК и составлен его устав. В нем определялись цели и задачи института и его структура — секции Индии, Тибета, Монголии и секция Китая и Японии. В качестве совещательного органа при директоре предполагался Ученый совет в количестве 24 человек, из которых 12 — европейские и восточные ученые. Главной библиотекой стал фонд Азиатского музея⁴¹.

5 мая 1928 г. ОС АН СССР утвердило директором ИНБУК акад. Ф. И. Щербатского. Открытие Института состоялось 1 октября 1928 г.

ТУРК. 5 апреля 1927 г. неперменный секретарь АН СССР пригласил В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, А. Н. Самойловича и Ф. И. Щербатского на заседание Комиссии по организации Туркологического института⁴². Затем в Комиссию по содействию работам АН СССР была направлена составленная по поручению АН В. В. Бартоль-

⁴¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 7, № 1, лл. 22—25. В этой описи собраны все материалы, накопившиеся в ходе деятельности ИНБУК.

⁴² Там же, ф. 2, оп. 1(1927), № 79, л. 1. В те годы термин «туркологический» был равнозначен современному понятию «тюркологический». О ТУРК см. также раздел «Туркология».

дом записка об учреждении при АН Туркологического института⁴³. В записке кратко говорилось об особо важном значении тюркологии для Советского Союза, в состав которого входит 11 республик и автономных областей с преобладающим тюркским населением; о первенстве, приобретенном до-революционной тюркологией и не утраченном при советском строе, о необходимости сохранить его и упрочить. Перед кабинетом ставилась задача объединить и организовать наличные силы в области тюркологии.

Одновременно был составлен «Проект положения Туркологического кабинета»⁴⁴.

7 мая 1927 г. Общее собрание утвердило проект, а открыт был кабинет 11 апреля 1928 г. 5 мая 1928 г. ОС АН СССР утвердило директором ТУРК акад. В. В. Бартольда.

Директора обоих вновь созданных востоковедных учреждений положили начало их научным библиотекам, пожертвовав им часть своих личных библиотек⁴⁵.

1927 год — 10-й год существования Советского государства — был насыщен, как мы видели, важнейшими событиями в жизни академического востоковедения.

Собирательская деятельность АМ росла с каждым годом, и в 1928 г. союзной и иностранной востоковедной литературы поступило 6088 названий (9349 томов)⁴⁶. Рост поступлений естественно вызвал увеличение выдачи книг в читальный зал — 8532, соответственно возросло и число посетителей — 5233.

В 1928 г. АМ впервые за свою историю приступил к словарной работе — составлению калмыцкого словаря.

Комиссия АН СССР «Наука и научные работники» составила для АМ список востоковедов СССР (без Москвы и Ленинграда). АМ решил составить общую картотеку востоковедов Союза, их специальности, тем исследований и т. п., чтобы избежать ненужного параллелизма в работе⁴⁷.

Планирование научной работы постепенно становится законом для АМ: в 1928 г. был составлен план на 1928/29 бюджетный год⁴⁸. Однако эти планы носили еще ограниченный характер, так как не отражали задач востоковедения в новых условиях.

⁴³ Записку см. там же, оп. 1(1928), № 77, лл. 6—7 — машинопись с правкой Бартольда, л. 8 — автограф Бартольда от 13 апреля 1927 г.

⁴⁴ Там же, л. 5 — автограф Бартольда, л. 4 — машинопись с правкой В. Бартольда.

⁴⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 7, № 3; ф. 68, оп. 1, № 432, л. 481.

⁴⁶ Дело о поступлениях в одну только Библиотеку АМ за 1928 г. имеет 135 л. Там же, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 135; лл. 43—47об. — список союзных учреждений, с которыми АМ обменивался изданиями.

⁴⁷ Список см. там же, № 126.

⁴⁸ Там же, № 125, лл. 1—3 (аналогичен плану на 1927/28 г.) (там же, № 106, лл. 2—3 об.).

1929 год был переломным в истории АН, «исключительной эпохой», как назвал его акад. В. Л. Комаров в отчетном докладе: АН получила новый устав, пополнила свой состав⁴⁹, в АН были избраны академики-марксисты, была проведена проверка аппарата и деятельности АН, что дало возможность освободиться от некоторой доли того наследия царского строя, которое связывало АН в развитии ее творческой деятельности. И наконец, в 1929 г. в системе АН был организован институт аспирантуры⁵⁰, шла подготовка к организации и реорганизации ряда учреждений АН и т. п.

Все это было продиктовано новыми требованиями, поставленными перед АН самой историей. «...Эпоха бурного и напряженного социалистического строительства в СССР не может довольствоваться прежними темпами и методами работы», — писал акад. Комаров⁵¹.

Переломным был 1929 год и для АМ, который несомненно играл ведущую и признанную роль во всех преобразованиях советского академического востоковедения, а вся работа сотрудников музея по переустройству «имела целью приблизить его деятельность к социалистическому строительству Союза», — как отметил акад. Комаров⁵².

В августе 1929 г. Комиссия по проверке аппарата АН СССР слушала доклад о работе АМ⁵³. В нем кратко излагались история АМ с 1818 г., его структура на 1929 г., описание всех отделений и отделов с оценкой их значения. «Из изложенного как будто явствует, — говорилось в докладе, — что Аз. Музей в сущности не Музей, а скорее специальная научная библиотека, которая собирает, обрабатывает, изучает и исследует свои рукописные книжные богатства. Но это не совсем так: до последнего времени, когда в составе Академии наук образовались Туркологический кабинет, Институт буддийской культуры и в проекте находятся Кабинет арабской филологии⁵⁴, иранистики⁵⁵ и Синологическая лаборатория, Аз. Муз. фактически являлся и продолжает являться на практике единственным востоковедным центром Академии наук, куда направляются на заключение... все запросы и дела

⁴⁹ В действительные члены АН были избраны из АМ — В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, из ТУРК — А. Н. Самойлович.

⁵⁰ Комиссия по аспирантам (КАСП) была создана в октябре 1929 г. К концу года в аспирантуру было принято 58 человек, в том числе по востоковедению — четверо (Отчет АН СССР за 1929 г., ч. I, стр. 238—239). Материалы об аспирантах АМ см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 161, 162.

⁵¹ Отчет АН СССР за 1929 г., ч. I, стр. V.

⁵² Там же, стр. XII—XIII.

⁵³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 144, лл. 4—23 (черновик).

⁵⁴ Там же, № 141, лл. 1—2.

⁵⁵ Там же, лл. 11—4; пятилетняя смета расходов кабинета иранистики (там же, № 143, лл. 34—38).

востоковедного характера, и научному персоналу Музея приходится работать не только над восточной книгой и особенно рукописью, но и по целому ряду других самых разнообразных, вызываемых самой жизнью вопросов». Далее в докладе говорилось о все расширяющихся связях АМ с восточными республиками Союза и Дальним Востоком, о составлении алфавитов для бесписьменных языков народов восточных республик и т. п.

Лишь высокая квалификация сотрудников АМ, разносторонность их знаний давали возможность справляться со ставившимися перед АМ задачами. Однако работе АМ серьезно мешал тот факт, что большинство его сотрудников были совместителями в других учреждениях, а следовательно, не могли отдавать музею все свое время и силы. Иными словами, речь шла о нехватке востоковедных кадров.

Другим крупным недостатком была невозможность провести четкую дифференциацию работы АМ. Разнообразие представленных в АМ культур и языков требовало большого числа соответствующих специалистов.

Завершался доклад такими словами: «Сильный рост как советского востоковедения вообще, так и академического в частности естественно должен отразиться на структуре Азиатского музея. Необходимые изменения ее служат в настоящее время предметом обсуждения в востоковедной среде Академии в целях концентрации всей востоковедной работы Академии наук вокруг Азиатского музея».

Несколько строк уделялось и КВ, причем отмечалось, что коллегия — это лишь то место, где можно читать научные доклады, что построена она по принципу научного общества. КВ не имеет своего аппарата, и потому все запросы, поступающие в нее из вышестоящих инстанций, ложатся на Азиатский музей.

Этот доклад достаточно убедительно характеризовал положение дел в АМ, в академическом востоковедении накануне полной его перестройки.

7 марта 1929 г. состоялось заседание Организационной комиссии (образована была ОС АН СССР), рассмотревшей вопросы реорганизации АН и ряда ее учреждений.

16 марта 1929 г. заседала Востоковедная секция комиссии (председатель В. В. Бартольд). После оглашения соответствующих пунктов постановления Организационной комиссии от 7 марта С. Ф. Ольденбург возбудил вопрос об объединении всех востоковедных учреждений АН — АМ с КВ, ИНБУКом, ТУРК и КИАИ, что вызвало оживленные прения. В результате Востоковедная секция пришла к решению:

1) административно-финансовое объединение или укрупнение отдельных востоковедных учреждений АН является нежелательным;

2) для делового объединения и согласования деятельности отдельных академических учреждений по востоковедению желательно создание в общей структуре АН востоковедной группы, комиссии или разряда;

3) для чисто научного объединения всех работающих в области научного востоковедения научных работников, равно для научной проработки некоторых более общих и широких вопросов, которые группа (комиссия или разряд) по востоковедению нашла бы нужным поставить на ее обсуждение, желательно сохранение КВ в ее настоящем виде, но с подчинением ее не АМ, а АН в целом.

15 апреля того же года состоялось очередное заседание Организационной комиссии, на котором В. В. Бартольд сделал доклад о работе Востоковедной секции. Решение секции он мотивировал тем, что большинство востоковедных учреждений АН, как уже существующих (ИНБУК, ТУРК), так и намечаемых (Кабинет арабской филологии), имеют строго определенные задачи и только что приступают к их выполнению, почему и желательно сохранить их в настоящем виде, без административно-финансового объединения, приняв меры лишь к согласованию их деятельности в отделении путем образования Востоковедной комиссии или группы. Организационная комиссия приняла это предложение, а 23 апреля ОГН обсудило решение Востоковедной секции и согласилось с постановлением Организационной комиссии.

Таким образом, в 1929 г. вопрос объединения востоковедных учреждений АН так и не был решен.

Однако уже в начале 1929 г. начала свою деятельность Группа востоковедения (ГВ)⁵⁶.

Первое заседание ГВ, обсудив состав группы, решило включить в ее ведение АМ, КВ при АМ, ИНБУКе и ТУРК, возбудить ходатайство об учреждении Кабинета арабской филологии. Ряд других вопросов непосредственно касался АМ: финансирование восполнения лакун в сериях и периодике, образовавшихся с начала мировой войны; финансирование издания накопленных АМ собраний памятников народной литературы на иранских, тунгусском и палеоазиатских языках; сосредоточение деятельности сотрудников АМ на составлении каталогов и библиографической работе и ограничение исследовательской работы потребностями музея как библиотечного учреждения; установление в типографии АН такого порядка, чтобы в первую очередь набирались труды по математике, востоковедению (с восточными шрифтами) и т. д.; созыв осенью 1930 г. в Ленинграде Всесоюзного востоковедного съезда.

⁵⁶ ГВ утверждена была Уставом АН СССР, 1930 г.

На последующих заседаниях ГВ в марте — апреле 1929 г. обсуждался пятилетний план изданий востоковедных работ, пятилетние планы как существующих востоковедных учреждений АН СССР, так и проектируемых. В октябре ГВ поставила вопрос о передаче в Государственный Эрмитаж нумизматических и археологических коллекций АМ.

Как видно из этих отдельных примеров деятельности ГВ, в 1929 г. образовался своего рода координационный академический востоковедный центр, стоявший структурно между ОГН и востоковедными учреждениями Академии наук СССР⁵⁷.

К началу 1930 г. стало окончательно ясно, что академическое востоковедение нуждается в коренной перестройке, так как не в состоянии выполнить поставленные перед ним задачи. За первые годы Советской власти достаточно четко определились три направления в востоковедении: 1) исследование древнего и средневекового Востока, а равно и современного в связи с общими задачами научного востоковедения, 2) исследование современного Востока главным образом по линии политики и экономики в связи с соответствующими государственными задачами и 3) всестороннее исследование материальной и духовной культуры восточных союзных и автономных республик, вопросы нового алфавита и терминологии. Первое направление довольно успешно продолжало свои традиции, второе было новым и чрезвычайно трудным, трудным потому, что если прежние востоковеды основательно знали язык, народ и страну, то совершенно не занимались вопросами экономики и политики, а среди экономистов и политиков не было еще людей, хорошо знающих языки Востока, могущих пользоваться источниками. Они вынуждены поэтому пользоваться сведениями из вторых рук. Для успешного развития этого направления нужна была совместная работа историков, лингвистов, этнографов, экономистов, социологов и политиков. Развивалось и третье направление благодаря объединенной работе специалистов на местах и в центре, однако явно в недостаточном объеме.

Основным же препятствием в развитии научного востоковедения было отсутствие кадров. Прекрасно отдавал себе в этом отчет директор АМ С. Ф. Ольденбург, который еще в 1927 г. писал, что «вместе с революцией должен был естественно появиться и новый востоковед». А этих новых востоковедов было очень мало.

Инициатором реорганизации была в 1930 г. вопреки своему прежнему решению Группа востоковедения. В марте

⁵⁷ Все материалы, касающиеся деятельности ГВ, см. ЛО ААН ф. 152, оп. 4.

1930 г. она вновь занялась вопросом учреждения новых кабинетов — арабской филологии и иранистики⁵⁸ — и приняла следующее постановление:

«Принимая во внимание, что вопрос о реорганизации всех востоковедных учреждений АН СССР стоит в порядке дня, и учитывая современное состояние научного востоковедения в СССР признать: I. Принципиально желательно учреждение в тех организационных формах, в которые выльется общая структура востоковедных учреждений АН СССР, кабинетов арабской филологии и иранистики. II. При выработке новой структуры группы востоковедных учреждений АН СССР желательно исходить из следующих положений: 1) при современном состоянии востоковедения в нашем Союзе наиболее жизненными основными рабочими ячейками представляются кабинеты, построенные по культурно-историческому принципу, 2) АМ со всеми своими книжными и рукописными фондами должен входить в новую структуру в качестве единой востоковедной библиотеки АН СССР и 3) необходимо предусмотреть такую организацию, которая давала бы возможность объединения всех работающих в области научного востоковедения, как в учреждениях АН СССР, так и вообще в Ленинграде».

В апреле на повестке дня заседания ГВ опять стоял вопрос о реорганизации. Члены группы еще раз подтвердили, что «кабинеты, построенные по культурно-историческому принципу», — наиболее жизненные основные рабочие ячейки при современном состоянии востоковедения. А 13 апреля ГВ собралась на внеочередное заседание. В повестке дня стоял только один вопрос: «О реорганизации востоковедных учреждений АН на основании постановления апрельской сессии»⁵⁹. С. Ф. Ольденбург предложил схему будущего ИВ в составе следующих кабинетов:

Китайско-японо-корейско-тангутский	5 человек
Монголо-маньчжуро-тунгусский	3 "
Туркологический	4 "
Индо-тибетский	4 "
Ирана с Сериндией	4 "
Арабский	3 "
Еврейско-сирийский	2 "
Кавказский	3 "

⁵⁸ Учреждение Кабинета арабистики было утверждено ОГН еще на мартовской сессии АН СССР в 1929 г., а Кабинета иранистики — на апрельской сессии.

⁵⁹ Решение о слиянии АМ с КВ, ИНБУК и ТУРК было принято в заседании Подкомиссии по реорганизации II отделения АН СССР 1 апреля 1930 г. 4 апреля ОС АН СССР утвердило Институт востоковедения в списке учреждений по ОГН (в ведении ГВ). 20 июня 1930 г. Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР утвердил ИВ в списке учреждений АН СССР.

Библиотека	7 человек
Административный аппарат	5 "
Технических сотрудников	6 "
<hr/>	
Всего	46

Во главе кабинетов стоят академики-востоковеды.

В штатах же востоковедных учреждений АН было лишь 34 сотрудника.

Предложение Ольденбурга было принято, М. М. Гирсу и А. И. Вострикову поручено было детально проработать схему.

На протяжении 1930 г. было разработано положение об ИВ⁶⁰, которое как бы подвело итог двухлетних трудов по созданию первого в истории АН СССР научно-исследовательского востоковедного института.

Так, на 112-м году со дня основания АМ, объединив вокруг себя ряд академических востоковедных учреждений, официально стал называться научно-исследовательским учреждением. С организацией ИВ произошел коренной перелом в истории академического востоковедения — вместо ученых-одиночек и малочисленных групп образован был единый отряд ученых-востоковедов. Впервые вводится планирование научно-исследовательской работы⁶¹, происходит постепенное обращение к новым темам, ранее никогда не привлекавшим внимание востоковедов АН: изучение новой и новейшей истории Востока и экономики, национально-освободительного движения на Востоке, гражданской истории ранних эпох на новой основе — на основе марксистско-ленинского учения.

Резкое изменение тематики научно-исследовательской работы остро поставило перед ИВ вопрос о подготовке кадров востоковедов новых специальностей. И такие кадры были подготовлены силами самого ИВ за 10 последующих лет — историки, лингвисты, литературоведы, экономисты и т. п. Так постепенно прекратил свое существование дореволюционный тип универсального востоковеда. После 1930 г. начался процесс выделения специалистов узкого востоковедного профиля: восточное языкознание, восточное литературоведение, история и экономика Востока.

23 мая 1930 г. Президиум ЦИК СССР утвердил новый устав АН СССР, подчеркивавший тесную связь работы академии с социалистическим строительством в СССР. Все гума-

⁶⁰ «Положение об ИВАН СССР, правила внутреннего распорядка и пользования библиотекой», — ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 3 (все дело). Проект положения был обсужден на ОС АН СССР и утвержден 2 октября 1930 г. В 1933 г. ИВ разработал новое положение, уточнявшее его структуру, цели и задачи (там же, оп. 1 (1933), № 2, лл. 1—5, 6—7).

⁶¹ Общие принципы планирования научной работы в АН СССР были утверждены по докладу Н. Я. Марра (председатель Организационно-плановой комиссии) 3 октября 1930 г.: а) общие теоретические проблемы, б) проблемы, связанные с социалистической реконструкцией, и в) проблемы, связанные с культурной революцией.

нитарные учреждения АН отныне входили в состав Отделения общественных наук (ООН), состоявшего из групп. Группы создавались по принципу объединения родственных научных дисциплин и являлись промежуточной инстанцией между учреждениями и отделениями⁶². В составе ООН в 1930 г. были утверждены три группы: 1) историков, экономистов и социологов, 2) языков и литератур и 3) востоковедения, в ведении которой был только что созданный ИВ.

По новому уставу при АН был создан институт аспирантуры⁶³.

Отчету о работе ИВ за 1930 г.⁶⁴ предпослано краткое предисловие, в котором сообщалось о создании института, о стоящих перед ним задачах. В предисловии, в частности, говорилось: «Новое учреждение использует и богатейшие востоковедные материалы, накопленные рядом лет упорной работы, учет и весь громадный ее научный опыт, с тем чтобы поставить ряд новых задач, укрепить организацию работы, дать ей максимально возможную новую установку, вводя не только новые задачи, но и поставив первоочередным вопросом внедрение марксистского метода в востоковедении»⁶⁵.

Большую работу по подготовке новых кадров провел АМ—ИВ в 1930 г. Тут и занятия с аспирантами, с прикомандированными молодыми востоковедами, производственная практика студентов ЛГУ, занятия с выдвиженцами ЛВИ и ЛГУ. Продолжалась также и преподавательская деятельность сотрудников в ЛВИ, ЛГУ, Педагогическом институте им. Фрунзе (Симферополь), УзГПИИ (Самарканд). Устраивались выставки, читались публичные лекции и доклады.

В 1930 г. появилась статья С. Диманштейна⁶⁶. Он писал: «Востоковедные науки являются одной из наименее разработанных марксистами областью...». Вопрос этот, как мы уже видели, был крайне острым в те годы. В статье говорилось также о необходимости пересмотра методологии в изучении Востока, с тем чтобы отказаться от универсализма и перейти к подготовке востоковедов — историков, экономистов, финансистов, военноведов и т. п. Писал Диманштейн и об отсутствии плановости в востоковедении, увязки в работе отдельных

⁶² О задачах, поставленных перед группами, см.: «Устав АН СССР», Л., 1930, стр. 11—12.

⁶³ Там же, § 21; см. также: Отчет АН СССР за 1930 г., стр. XIV—XV, 277—278; список аспирантов ИВ и их индивидуальные планы см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 19 и № 5.

⁶⁴ Отчет АН СССР за 1930 г., стр. 232—243.

⁶⁵ В отчете приведена подробная структура ИВ (стр. 233). Перечислены секторы, востоковедная библиотека (Азиатский музей), кабинеты и Азиатский архив.

⁶⁶ «Поворотный пункт в советском востоковедении (к Всесоюзному съезду востоковедов)», — НВ, 1930, № 28, стр. X—XXIV (статья датирована 23 декабря 1929 г.).

учреждений их деятельности. Особо отмечалась необходимость знания восточных языков: «...знание восточных языков должно стать в СССР обычным явлением, как знание европейских языков». В заключение ставился вопрос о создании при Коммунистической академии марксистской ассоциации востоковедения.

В следующем номере журнала «Новый Восток» была напечатана «Декларация Всесоюзной ассоциации марксистов-востоковедов»⁶⁷. Ей предшествовала статья С. Диманштейна⁶⁸, в которой сообщалось о прекращении журнала «Новый Восток» и предполагаемом издании нового журнала — «боевого востоковедческого органа новой ассоциации».

В декларации вновь повторялось, что марксизм еще не завоевал господствующие позиции в востоковедении, и назывались две основные задачи марксистского востоковедения:

«1) Изучение экономики и политики восточных стран, новых путей развития национально-революционных движений и классовой борьбы в странах колониального Востока в третий период, изучение путей некапиталистического развития отсталых стран, реформизма и методов борьбы с ним на Востоке.

2) Изучение путей скорейшего изжития остатков экономической и культурной отсталости трудящихся национальных республик и национальных областей советского Востока на основе строительства на советском Востоке».

Для решения этих задач, провозглашала декларация, нужны размежевание сил на востоковедном фронте, активизация марксистско-ленинского востоковедения и решительная борьба с буржуазным востоковедением.

В Ленинграде были созданы Общество марксистов-востоковедов (ОМВ) при ЛОКА и в ИВ — ячейка содействия. Печатных материалов об этом обществе крайне мало, но зато мы располагаем довольно большим количеством архивных документов⁶⁹. В «Положении» о ячейке содействия ОМВ при

⁶⁷ НВ, 1930, № 29, стр. XXI—XXIV. Декларация была опубликована после XVI съезда ВКП(б).

⁶⁸ «К декларации Всесоюзной Ассоциации марксистов-востоковедов», — там же, стр. XVI—XX.

⁶⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1930), № 20; оп. 1(1931), № 21; оп. 1(1932), № 28, а также ф. 264, названный «Общество востоковедов-марксистов» (!). ОМВ было ликвидировано в 1933 г.

Много материалов по деятельности ОМВ отложилось в фонде А. А. Алимова (АВ, ф. 68), в частности проект декларации (№ 382), «Основные положения ОМВ» (№ 383), план работы на 1931 г. (№ 385), списки членов (№ 386), протоколы заседаний Совета ОМВ (№ 387), рукописи статей Алимова по вопросу о положении на востоковедном фронте (№№ 381, 398) и др. А. А. Алимов был ученым секретарем Ленинградского ОМВ, заседания которого проходили в ЛОКА — Набережная 9 января, д. 18 (ныне Дворцовая наб., 18), т. е. в том самом здании, в котором помещается в настоящее время ЛО ИВАН СССР.

ЛОКА (п. I «Цель организации ячейки содействия») сказано «В условиях обостренной классовой борьбы целью ячейки содействия Обществу марксистов-востоковедов является борьба за торжество марксистского метода в востоковедении против идеалистических направлений, современных искажений марксизма, оппортунизма справа и слева, являющихся формой проявления классовой борьбы на идеологическом фронте». Далее излагались вопросы организации и деятельности ячейки ⁷⁰.

30 декабря 1930 г. был отпечатан на гектографе «Проект декларации Общества марксистов-востоковедов при ЛОКА» ⁷¹, дополняющий и разъясняющий упомянутое «Положение».

«Придавая огромное значение делу использования наследия старого востоковедения,— говорилось в декларации,— отвергая леворезбаческие попытки совершенно отбросить в сторону это наследие, мы всем желающим с нами работать востоковедам выставляем единственное условие: востоковедение должно быть поставлено на службу колониальной революции, на службу социалистической реконструкции отсталых областей нашей собственной страны».

Завершалась декларация заявлением, что центр тяжести своей работы Ленинградское ОМВ переносит на разработку актуальных проблем современности, но наряду с этим должно помочь ИВАН СССР в разработке проблем хотя отходящих от современности, но имеющих важное методологическое значение. Своим участием в работе ИВ ОМВ окажет содействие в марксистском перевоспитании той части востоковедов, в особенности молодежи, которая идет навстречу марксистской теории.

* * *

В 1930 г. закончился организационный период советского академического востоковедения. В последующее десятилетие шел сложный процесс превращения востоковедной науки из чисто филологической в науку общественную при сохранении, однако, филологической основы. Сохранение этой основы было совершенно необходимым условием для такой комплексной науки, как востоковедение, ибо без изучения источников на восточных языках немислимо было подлинно научное изучение экономики, истории и культуры народов Востока с древности до наших дней.

Все задачи, стоящие перед ИВ, надлежало решить на основе марксистско-ленинской методологии. Это требовало

⁷⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 20, лл. 1—2.

⁷¹ Там же, лл. 18—19.

большого напряжения, так как «большая часть наших востоковедов еще чрезвычайно слаба в новой методологии», — откровенно признавал С. Ф. Ольденбург.

«Громадные и сложные перемены в нашей жизни со времени революции, — писал Ольденбург, — ярко отразились на науке вообще. Востоковедение особенно сильно испытывает эти новые установки научной работы. Мы чувствуем и понимаем теперь с большой ясностью важность комплексного элемента в научной работе»⁷². Высказанные в этой статье мысли перекликаются с докладом С. Ф. Ольденбурга на чрезвычайной сессии АН СССР в Москве 21—27 июня 1931 г.⁷³

Детально разработанный план ИВ на 1931 г.⁷⁴ намечал общее направление работы института, секторов истории, экономики и литературоведения, Азиатского архива, а также научных сотрудников. Отдельно выделен был «Производственный план Азиатского музея (АМ)», т. е. Библиотеки и отдела рукописей. «По Библиотеке АМ общей задачей ИВ являются реорганизация всей структуры АМ, составление систематического каталога печатных книг и по кабинетам — работа по описанию рукописей при унификации техники описания, а также расширение и правильная постановка книгообмена с Западом и Востоком».

С 1931 г. в ИВ начались семинарские занятия по диалектическому материализму и политэкономии, работал кружок текущей политики. Первое организационное совещание членов семинара по диамату (руководитель Карев), состоялось 23 марта 1931 г.⁷⁵. Активную роль в научной и общественной жизни ИВ играли аспиранты (в 1931 г. — 32 человека, в том числе 29 членов ВКП(б) и комсомольцев). Они вели самостоятельную научно-исследовательскую работу, организовали ячейки содействия ОМВ и ВАРНИТСО.

В феврале 1933 г. сотрудники ИВ приняли участие в работе первого пленума научного совета ВЦКНА, на котором

⁷² «Востоковедение в академии на новых путях», — ВАН, 1931, № 2, стлб. 9—16.

⁷³ С. Ф. Ольденбург, Восток и Запад в советских условиях, М.—Л., 1931.

⁷⁴ План был напечатан. См. «Производственный план АН СССР на 1931 г.», Л., 1931, стр. 87—92.

План работы ИВ обсуждался и был утвержден на всесоюзной конференции, созванной в ИВ 16—17 сентября 1931 г. Кроме сотрудников ИВ и других академических учреждений в работе конференции приняли участие представители Коммунистической академии, ЦК НА, ИКП, Института народов Востока, Эрмитажа, ЛВИ, ЛГИЛИ, от УССР, ТаджССР, БМ АССР, Адыгейского НИИ и др., — там же, стр. 372. Протоколы заседаний конференции и другие материалы см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1931), № 10

⁷⁵ Материалы об этом передал автору бывший сотрудник ИВ А. Г. Шпринцин.

были подведены итоги перевода восточных национальностей на свою национальную (латинизированную) письменность⁷⁶.

В 1933 г. ИВ деятельно участвовал в конференциях по изучению производительных сил республик Советского Востока, выполнял работы по предложениям национальных республик, консультировал их научные учреждения, направлял своих сотрудников для помощи на местах и т. д. Связь ИВ с восточными республиками Союза особенно окрепла после того, как акад. Ольденбург был назначен председателем Таджикской базы АН СССР, Е. Бертельс стал руководителем ее историко-лингвистического сектора, А. Самойлович возглавил сектор Казахской базы, а в работе дальневосточной базы принимал участие А. Драгунов.

Рукописный отдел — в 1934 г. до 40 тыс. рукописей — (зав. Е. Э. Бертельс) произвел полную реорганизацию и приступил к плановой обработке рукописей и архивных материалов. В отдел поступила коллекция рукописей, пожертвованная С. Г. Вахидовым (540 номеров), 1300 единиц привез из Татарской республики В. Забиров, 138 поступили из Дальневосточного филиала АН СССР и др.

Библиотека имела в 1934 г. до 200 тыс. томов (зав. П. Е. Скачков) и продолжала составлять систематические каталоги при участии кабинетов. Поступление в библиотеку 34 765 томов, почти в два раза больше, чем в 1933 г., — свидетельство хорошо налаженного обмена.

Показателен рост сотрудников ИВ за пять лет его работы сравнительно с последним годом существования АМ:

1929 г. АМ

Ст. ученых хранителей	2
Мл.	2
Научных сотрудников	14
Практикантов	3
	<hr/>
Всего	21

1934 г. ИВ

Ст. ученых специалистов	2
Ученых специалистов	10
Научных сотрудников	35
Аспирантов	20
	<hr/>
Всего	67

В марте 1936 г. директор ИВ направил НС АН СССР акад. Н. П. Горбунову докладную записку⁷⁷, сыгравшую огромную роль в дальнейшей истории ИВ.

⁷⁶ К. Алавердов, К итогам первого пленума научного совета ВЦКНА, — «Письменность и революция», сб. I, М.—Л., 1933, стр. 6—13.

⁷⁷ «О состоянии работы и основных нуждах Института востоковедения», — ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 9, лл. 115—132.

В записке А. Н. Самойловича сформулированы были основные задачи, стоявшие перед советским востоковедением в области истории советского и зарубежного Востока, философии, литературоведения и лингвистики. По всем этим разделам подробно перечислялись возможные темы и указывались потребности в кадрах для их выполнения. Все это требовало реорганизации всей системы востоковедного образования и в первую очередь восстановления Восточного факультета в ЛГУ. Для оперативного исправления положения дирекция ИВ ходатайствовала об организации в ИВ аспирантуры вузовского типа (была приведена таблица потребностей)⁷⁸.

Основной целью докладной записки было предложить АН ряд необходимых мероприятий, которые способствовали бы превращению ИВ в подлинный центр советского востоковедения. Острая нехватка востоковедных научных сил для решения огромных задач, выдвигаемых перед советским востоковедением, требовала превращения института также и в центр подготовки кадров высшей квалификации как для существующих вузов, так и для создания новых востоковедных ячеек в республиках⁷⁹. Осуществление всех указанных мероприятий, по глубокому убеждению дирекции ИВ, «уже в ближайшие годы обеспечит советской востоковедной науке приличествующее ей место в мировом востоковедении».

Комплексность задач востоковедения привела к постепенной перестройке кабинетов ИВ, которые к 1936 г. представляли собой «комплексные научно-исследовательские ячейки института», обнимавшие работу по всем аспектам изучения одной страны Востока или групп стран и народов, тесно связанных между собой⁸⁰.

Вокруг кабинетов ИВ с 1933 г. начали создаваться ассоциации, привлекавшие на первых порах всех научных работников Ленинграда по данной специальности. Организованы были ассоциации японистов и монголистов, шла подготовка к созданию ассоциации арабистов и китаистов.

⁷⁸ 15 мая 1936 г. Президиум АН СССР разрешил ИВ временно иметь аспирантуру вузовского типа (там же, № 1, лл. 66—69).

В июне 1936 г. Президиум АН СССР утвердил «Положение о специальной аспирантуре АН СССР», согласно которому основной задачей аспиранта АН являлась работа над докторской диссертацией. Комитет по подготовке кадров АН возложил в соответствии с «Положением» руководство и ответственность за изучение восточных языков непосредственно на ИВ, указав, что изучение восточных языков «является важнейшей частью работы аспирантов ИВ». Кафедра восточных языков при Ленинградском филиале спецаспирантуры АН была закрыта.

⁷⁹ Впервые в истории ИВ в 1933 г. была создана группа из восточных республик по подготовке к полному курсу академической аспирантуры — три узбека, таджик, бурят, монгол.

⁸⁰ Еще в 1931 г. Туркологический кабинет был разделен на Турецкий и Среднеазиатский; кабинет Ирана и Сериндии преобразован в Персидский, а все работы по Таджикской ССР были переданы в Среднеазиатский кабинет.

Само собой разумеется, что на протяжении последующих лет после организации ИВ не раз приходилось вносить изменения в организационную структуру института. Этого требовали ставившиеся перед ИВ задачи и реальные возможности учреждения (например, наличие тех или иных специалистов). Большие перемены произошли в составе Рукописного отдела — рукописные и архивные собрания были объединены, описание их было вменено в обязанность сотрудников всех кабинетов. В связи с тем что описание рукописей требовало много времени, решено было создать совещание для выработки типов описаний рукописей — полного и краткого.

Планы ИВ с самого начала его существования привлекли внимание широких кругов востоковедов как в центре, так и в восточных республиках страны. Заинтересовался работой ИВ и Совет Национальностей ЦИК СССР, предложивший директору ИВ сделать доклад о планах института⁸¹. Доклад С. Ф. Ольденбурга можно назвать программным для молодого советского востоковедения.

Руководство АН СССР уделяло много внимания ИВ и не раз слушало доклады его директоров. Так, в апреле 1936 г. Президиум заслушал доклад А. Н. Самойловича и принял решение о целесообразности сосредоточения научной работы ИВ на изучении и публикации документов по истории народов СССР, о продолжении работы по изданию материалов по истории туркмен, узбеков, казахов и др.⁸². В марте 1938 г. Президиум АН СССР принял постановление по докладу акад. В. В. Струве. Особое внимание в постановлении обращено было на работу Рукописного отдела ИВ — собрание коллекций восточных рукописей мирового значения⁸³.

29 сентября 1938 г. ОС АН СССР, руководствуясь постановлением СНК СССР от 26 июля 1938 г., постановило создать восемь отделений, причем ООИ разделилось на три: 1. Отделение истории. 2. Отделение экономики, права и философии и 3. Отделение языка и литературы. ИВ перешел в ведение ОЛЯ⁸⁴.

С 1938 г. в ИВ начал регулярно заседать Ученый совет, на котором утверждались отчеты о работе кабинетов, планы аспирантов, защищались диссертации⁸⁵.

⁸¹ Доклад был опубликован: С. Ольденбург, О деятельности Института востоковедения Академии наук, — «Рев. и нац.», 1932, № 6, стр. 20—25, 16 июля 1932 г. Президиум АН СССР принял специальное постановление по решению совещания в Совете Национальностей (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1932), № 1, л. 40).

⁸² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1936), № 1, лл. 23—23 об.

⁸³ Там же, оп. 1(1938), № 1, лл. 21—23.

⁸⁴ В 1939 г. Президиум АН СССР утвердил состав Ученого совета ИВ (там же, оп. 1(1939), № 1, лл. 29, 51).

⁸⁵ Там же, оп. 1(1939), № 3, лл. 1—3.

Успешно работали сектора ИВ. Например, в 1940 г. Сектор литературоведения провел две научные сессии: 1) «Горький и литературы советского и зарубежного Востока»; сессия подвела итог трехлетней работы коллектива востоковедов и горьковедов, подготовивших специальный сборник, рукопись которого предполагалось сдать в печать в марте 1941 г.⁸⁶; 2) сессию, посвященную проблеме построения истории восточных литератур, ставившую своей целью найти некоторые общие пути к решению проблемы и обсуждению принципиальных вопросов⁸⁷.

Значение института как центра советского академического востоковедения неуклонно росло. Коллектив сотрудников ИВ намечал обширные планы своей дальнейшей деятельности, о чем писал в 1940 г. акад. А. П. Баранников⁸⁸.

Ленинградский областной комитет Союза работников высшей школы и научных учреждений наградил ИВ грамотой за высокие показатели в научной и общественной работе в 1940 г.⁸⁹.

На 1 января 1941 г. в ИВ было: научного персонала 77 человек, административно-хозяйственного и обслуживающего — 10, аспирантов — 33, в том числе докторантов — 3, прикомандированных из ТуркМССР — 3.

Вероломное вторжение гитлеровских полчищ 22 июня 1941 г. заставило страну мобилизовать все свои силы на разгром врага.

Не мог остаться в стороне и коллектив сотрудников ИВ. Уже в июне целый ряд кабинетов перестроил свою работу для выполнения заданий ПУ РККА. Эта важная оборонная работа, выполняемая в крайне сжатые сроки, сочеталась с трудовыми работами и большой пропагандистской деятельностью в частях действующей Красной Армии⁹⁰.

Несмотря на все трудности военного времени, шла подготовка к научному заседанию, посвященному 500-летию юбилею великого узбекского поэта и основоположника узбекского литературного языка Алишера Навои. Заседание состоялось 29 декабря 1941 г. Е. Э. Бертельс писал об этом заседании: «Пишущему эти строки пришлось выступать в декабре 1941 г. на заседании, посвященном творчеству Навои и протекавшем под жестокой бомбежкой и артиллерийским

⁸⁶ Сборник так и не был напечатан — помешала война, но материалы сборника сохранились и хранятся в АВ ЛО ИВ. См. также: Крачковский И., Очерки, стр. 178.

⁸⁷ О работе секторов в 1939 г. см. ЛО ААН, ф. 152 оп. 1(1939), №№ 32—34; № 10, лл. 138—139; № 13, л. 83.

⁸⁸ А. П. Баранников, Очередные задачи советского востоковедения, — СВ, т. I, 1940, стр. 1—13.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1940), № 4.

⁹⁰ См. отчет ИВ за июль — декабрь 1941 г. (там же, оп. 1(1941), № 10, л. 51).

обстрелом. И хотя заседание шло в верхнем этаже здания, сотрясавшегося под тяжелыми ударами с воздуха, никто из участников не покинул зала и заседание было доведено до конца»⁹¹.

Вопрос о возможной эвакуации института из осажденного города встал еще в начале августа 1941 г. В записке в Президиум АН СССР и ОЛЯ акад. Струве писал, что институт связан своими работами с рядом учреждений и не может выехать из Ленинграда, что для выполнения ряда заданий требуется большое количество литературы, которую трудно будет взять с собой. Если же ИВ все же будет предложено эвакуироваться, то лучше всего разместить его в Казани — бывшем востоковедном центре, а при невозможности — в Ташкенте⁹².

Несмотря на тяжелые месяцы войны, блокаду города, ИВ наметил план работы на 1942 г., включив в него 20 тем⁹³. «В суровое время Великой Отечественной войны, — говорилось в объяснительной записке, — когда перед всем Советским Союзом встали новые грандиозные задачи, Академия наук СССР в лице своего Президиума дала указания своим институтам всемерно разворачивать научные работы, направленные к укреплению мощи нашей Родины, сохраняя за собой положение центров подлинной и передовой советской науки»⁹⁴. Исходя из этих указаний и был составлен план работы ИВ, предусматривавший как ряд работ специального оборонного характера, научно-популярных, так и продолжение многолетних углубленных исследований. 4 мая 1942 г. состоялось общее собрание сотрудников ИВ (председатель Н. В. Пигулевская, секретарь Д. В. Семенов), рассмотревшее и обсудившее план. План был одобрен, и было постановлено представить его на утверждение в недавно созданный в осажденном Ленинграде объединенный Ученый совет ИВ, ИИ, ИИМК и ИРЛИ⁹⁵.

Работа ИВ в первом полугодии 1942 г. в Ленинграде прошла три периода. I период — с 1 января по 15 апреля. Зимняя стужа и обстрелы города заставили сотрудников покинуть помещения в здании БАН и перейти в одну комнату главного здания АН с печным отоплением. Большинство со-

⁹¹ Е. Э. Бертельс, Избранные труды. Навои и Джами, М., 1965, стр. 7 и 69. Все материалы, связанные с работой ИВ по подготовке юбилея Навои, большинство уникальных, объединены в двух томах (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1938), № 35; оп. 1 (1940), № 28).

⁹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1941), № 10, л. 57.

⁹³ Подписали план директор ИВ акад. И. Ю. Крачковский и зам. директора Н. В. Пигулевская (там же, оп. 1 (1942), № 8, лл. 1—4, а также лл. 8—8об. — план на сентябрь — декабрь 1942 г.).

⁹⁴ Об этом периоде жизни АН СССР см.: Б. В. Левшин, Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), М., 1966.

⁹⁵ Протокол собрания см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 8, лл. 9—10.

грудников работали на дому, продолжая получать нужные им книги из библиотеки института. Огромны были потери в эти тяжкие месяцы — погибло и умерло от истощения 27 человек⁹⁶.

II период — с 15 апреля по 12 июля. С наступлением теплых дней стало возможным проводить больше времени в неотапливаемом здании БАН. Если на 1 января 1942 г. в ИВ числилось 60 сотрудников и аспирантов, то к 1 мая осталось всего 27 человек. Помещение ИВ в эти месяцы было, насколько позволяли силы, приведено в порядок, ликвидированы были последствия обстрелов — из-под обломков кирпичей извлечены, очищены и помещены в шкафы книги и ксилографы Тибетского фонда, убраны обвалившаяся штукатурка, горы битого стекла и т. п. Вновь стали созываться совещания, собрания и научные заседания⁹⁷. Огромную работу проделали сотрудники Библиотеки ИВ, собиравшие книги умерших и эвакуированных сотрудников в полуразрушенных домах, извлекая их зачастую из мусора, обломков и пыли. Были приобретены библиотеки А. Н. Самойловича, И. И. Гинцбурга, Г. Г. Гульбина и К. К. Флуга, поступили на хранение архивы погибших востоковедов.

В начале июля 1942 г. в соответствии с предложением Президиума АН СССР по ИВ был издан приказ о подготовке к эвакуации⁹⁸.

Согласно приказу за д-ром истор. наук Н. В. Пигулевской сохранялись обязанности зам. директора, утвержден список эвакуирующихся, назначена была группа по охране имущества ИВ в Ленинграде (А. Н. Болдырев, библиотекари В. Н. Евгенова и Т. В. Михновская и вахтер А. Ф. Елкина, возглавлял группу ученый секретарь ИВ Д. В. Семенов).

III период — с 12 июля по 7 августа — период в жизни ИВ, во время которого из квартир сотрудников силами группы по охране имущества были доставлены архивы и библиотеки акад. П. К. Коковцова и Ф. И. Щербатского, вывозились книги ИВ из квартир уехавших сотрудников, производилась проверка всего имущества ИВ и т. п.

Принципиальное решение Президиума АН СССР о создании в Ташкенте группы ИВ было принято еще в мае 1942 г., однако юридического оформления это решение тогда не получило. 24 июля 1942 г. вице-президент АН СССР В. П. Волгин разрешил акад. Струве организовать в Ташкенте группу ИВ. Дирекция ИВ тотчас же приступила к собиранию своих

⁹⁶ Список погибших и умерших сотрудников ИВ с 1 сентября 1941 г. по 3 марта 1942 г., а также некрологи см. там же, № 5.

⁹⁷ Более подробно об этом периоде см. там же, № 8, лл. 18—19.

⁹⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1942), № 2, лл. 29—30. Приказ подписал директор ИВ акад. Крачковский, утвержденный в этой должности 6 февраля (там же, № 1, л. 1).

сотрудников, эвакуированных в разные пункты страны, где они ожидали вызова на работу. 27 августа Президиум АН СССР на основании распоряжения СНК СССР разрешил создать в Ташкенте группу ИВ, руководство поручалось акад. В. В. Струве. Лишь в сентябре, однако, это решение было утверждено правительством и существование ИВ в Ташкенте получило юридическое и финансовое оформление⁹⁹. К этому времени в Ташкенте собралось 20 сотрудников. Из их числа, а также из привлеченных к работе в ИВ местных ученых были созданы кабинеты. Исходя из наличия специалистов при формировании кабинетов пришлось несколько нарушить существовавшую структуру. Институт делился на следующие кабинеты:

Дальневосточный — и. о. зав. А. А. Драгунов, сотрудники: А. Е. Глускина, Я. Б. Радуль-Затуловский, Т. И. Райнов.

Индийский — зав. нет; сотрудники: М. С. Андреев, Н. М. Гольдберг, Г. Г. Кочарянц, С. Р. Смирнов.

Среднеазиатский — зав. А. Ю. Якубовский, сотрудники: Е. А. Разумовская, А. А. Семенов, Д. И. Тихонов, К. В. Тревер.

Туркологический — зав. А. К. Боровков; сотрудники: А. М. Мугинов, А. Л. Троицкая.

Иранский — зав. И. И. Зарубин; сотрудники: А. В. Башкиров, Н. В. Дьяконова.

Семитический — зав. В. В. Струве; сотрудник И. Г. Лившиц.

В таком составе ИВ работал в августе — сентябре 1942 г. Несмотря на все предпринимаемые дирекцией ИВ усилия по сбору сотрудников, к декабрю 1942 г. в Ташкенте их было 36 человек, в разных городах страны — 11 и 5 человек — в Ленинграде. Полностью собрать всех сотрудников в Ташкенте было невозможно еще и из-за острой нехватки в городе жилой площади. Но связь со всеми сотрудниками была установлена, что давало возможность дирекции давать им поручения, получать отчеты о проделанной ими работе. Так, например, сохранился Отчет о заседаниях группы членов ИВ в Боровом, подписанный В. М. Алексеевым и А. А. Фрейманом¹⁰⁰.

К концу года сотрудники ИВ в Ташкенте ознакомились с составом местных книгохранилищ и архивов для выяснения возможностей работы и определения плана на 1943 г. Значительно лучше были обеспечены материалами специалисты по

⁹⁹ Там же, ф. 152, оп. 1 (1942), № 1, л. 7.

¹⁰⁰ Там же, № 8, лл. 36—36 об.

По решению правительства часть ученых преклонного возраста и больных была эвакуирована на курорт Боровое (см.: Левшин, АН СССР в годы Великой Отечественной войны, стр. 15).

Среднему и Ближнему Востоку — в их распоряжении было богатое собрание восточных рукописей ГПБ Ташкента. Однако уже в 1942 г. сотрудники ИВ сумели применить свои знания к новым условиям, к научной жизни города. Часть научных сотрудников приняла участие в работе над историей Узбекистана (по плану УзФАН), другие — разрабатывали темы, связанные с историей народов Средней Азии, развитием научной мысли, с историей литературы и т. п.¹⁰¹.

Жизнь и работа в условиях эвакуации не прервала большую работу по подготовке востоковедных кадров¹⁰². В аспирантуру ИВ в 1942 г. было принято 10 человек, в том числе по истории Афганистана, Туркмении, Восточного Туркестана и Средней Азии, по узбекскому, арабскому, китайскому и туркменскому языкам. Много внимания уделялось повышению научной квалификации местных научных работников: научные заседания ИВ проводились в ИЯЛИ УзФАН и на них приглашались сотрудники института, на заседаниях Ученого совета ИВ присуждались ученые степени. Наконец, дирекция

ИВ и группа ученых-востоковедов обратились к секретарю ЦК КП(б) УзбССР с докладными записками «Об организации восточного отделения при Историко-филологическом факультете САГУ и востоковедной кафедры». ИВ предложил правительству Узбекистана привести в порядок дальневосточные фонды библиотеки САГУ, оказать помощь в описании арабских, персидских и тюркских рукописей ГПБ.

Исчерпывающее представление о работе ИВ за 1943 г. дает сохранившийся объемистый отчет — примечательный документ истории советского востоковедения¹⁰³.

В отчете есть оптимистическая фраза, убедительно характеризующая твердую уверенность коллектива ИВ в неизбежной победе советского народа: «...отдельные темы, законченные в течение 1943 г., должны будут пополняться и в известной мере потребуют изменения при возвращении института в Ленинград, где будет возможность пользоваться востоковедной литературой самых последних лет».

Институту необходим был печатный орган; в связи с резким недостатком бумаги решено было издавать небольшие рабочие хроники «на правах рукописи». В такого рода органе ИВ мог бы давать краткие резюме основных работ,

¹⁰¹ Все это подробно изложено в отчете ИВ за 1942 г. в разделе «По Ташкенту» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1942), № 8, лл. 25об.—27, 30—32).

¹⁰² Еще в мае 1942 г., выступая на ОС АН СССР, президент В. Л. Комаров поставил задачу восстановить академическую аспирантуру (см.: Левшин, АН СССР в годы Великой Отечественной войны, стр. 161—163).

¹⁰³ «Отчет о работе института в Ташкенте в 1943 г., Ташкент, Пушкинская ул., 31» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1943), № 8, лл. 12—32 об.).

наиболее интересных докладов, характеристики диссертаций и т. д.¹⁰⁴.

Впечатление о работе ИВ в Ташкенте будет неполным, если не сказать несколько слов о хозяйственной работе его сотрудников. 18 января 1943 г. было объявлено днем топливного субботника, и всем сотрудникам предлагалось явиться к 9 часам утра на кожзавод (Бешагач). Для проведения заготовок для нужд ИВ с 27 февраля по 25 марта была командирована в Кашкадарьинскую область бригада в составе проф. Боровкова (бригадир), Иноятова и Радимова. Сотрудники ИВ работали на сельскохозяйственных работах в совхозе № 10 Янги-Юльского района.

5 января 1943 г. был издан приказ о подготовке к 125-летию со дня создания Азиатского музея. Однако обстоятельства военного времени не позволили отметить эту дату.

В Ленинградской группе ИВ в 1943 г. после скорострительной кончины Д. В. Семенова (7 мая 1943 г.) остались: уполномоченный ИВ А. Н. Болдырев, О. П. Соловьева-Петрова и В. И. Евгенова. Помимо охраны рукописных и книжных фондов ИВ группа занималась ликвидацией последствий бомбежек и артобстрелов, готовила здание к зиме, собирала по квартирам библиотеки погибших ученых, подбирала и отправляла в Москву, Ташкент и Боровое материалы, необходимые для работы эвакуированных сотрудников, и т. п. Много времени и физических сил требовала систематическая проверка состояния фондов, чтобы своевременно предотвратить их порчу. Члены Ленинградской группы вели также научную работу, читали лекции по линии военно-шефского сектора Дома ученых. А. Н. Болдырев вел «Журнал учета текущей работы и происшествий по ИВ»¹⁰⁵.

25—30 сентября 1943 г. в Москве проходили Общее собрание АН СССР — первое с начала войны¹⁰⁶ и сразу же после него — 1—2 октября — совещание ОИФ и ОЛЯ по вопросам востоковедения. Работа совещания завершилась принятием резолюции¹⁰⁷, наметившей перспективы дальнейшего развития востоковедения в АН СССР. Этот документ, составленный в дни Великой Отечественной войны и сейчас мало кому известный, — еще одно свидетельство непоколебимой веры советских ученых в неизбежность поражения фашистского рейха.

¹⁰⁴ Были напечатаны в 1944 г.: Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г. I, Ташкент, 1944, (49 стр.); то же за I полугодие 1944 г. II, Ташкент, 1944 (52 стр., тираж 100 экз.). На этом единственное периодическое издание ИВ военных лет прекратило свое существование.

¹⁰⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(193), № 24.

¹⁰⁶ В 1941 г. ОС не собиралось, в 1942 г. два ОС проходили в Свердловске (см.: Левшин, АН СССР в годы Великой Отечественной войны, стр. 140, прим. 3).

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1943), № 1, лл. 20—21, 23—27.

В октябре 1943 г. в соответствии с решением совещания по вопросам востоковедения была организована Московская группа ИВ¹⁰⁸. Руководителем ее был назначен акад. И. Ю. Крачковский. Группе вменялось в обязанность объединить научную работу живущих в Москве сотрудников ИВ, а также содействовать объединению работы московских востоковедов системы АН и других ведомств.

Первое заседание Московской группы ИВ состоялось 15 ноября 1943 г. После оглашения информации об организации группы, Крачковский прочитал доклад о значении АМ в истории русского востоковедения в связи с исполнявшимся 23 ноября 125-летием со дня основания музея.

Так жил и трудился ИВ в 1943 г., разбросанный войной по трем городам.

В августе 1944 г. ИВ представил уполномоченному Президиума АН СССР по Узбекистану отчет за I полугодие о работах, связанных с историей, литературой, фольклором и языком УзССР. Отчет этот позволяет оценить вклад сотрудников ИВ в развитие науки в Узбекистане¹⁰⁹. Большинство сотрудников ИВ вели педагогическую работу в вузах Ташкента и научно-исследовательскую работу.

Московская группа ИВ провела в 1944 г. большую организационную работу, что дало основание Бюро ОЛЯ включить ее в структуру АН. Во второй половине 1944 г. группа приобрела «более выраженный московский характер», так как основатель ее и первый руководитель, акад. И. Ю. Крачковский, и один из активнейших членов, Н. В. Пигулевская, эвакуировались в Ленинград. Председателем группы был назначен Н. И. Конрад. Значительно пополнился состав группы сотрудниками и аспирантами.

Исполняя решение Государственного комитета обороны и Президиума АН СССР, 17 мая 1945 г. институт вернулся из Ташкента в Ленинград и приступил к работе¹¹⁰.

Годы пребывания ИВАН СССР в столице Узбекской ССР навсегда останутся в памяти как тех, кто работал тогда в институте, так и ташкентских коллег. Это были годы делового и плодотворного сотрудничества ученых братских народов Советского Союза. И свидетельством тому служит хранящаяся в архиве ЛО ИВ почетная грамота Президиума Верховного Совета УзССР от 7 мая 1945 г., которой институт был награжден за выдающиеся научные заслуги в период пребывания в Ташкенте¹¹¹.

¹⁰⁸ Там же, № 1, л. 36; оп. 1-М, № 1 и 7. Вся документация группы сохранилась — ф. 152, оп. 1-М (123 дела) и оп. 3-М (по личному составу).

¹⁰⁹ Там же, оп. 1 (1944), № 7, лл. 18—19 об.

¹¹⁰ Там же, оп. 1 (1945), № 3, приказ по ИВ № 20.

¹¹¹ Там же, № 5.

Мы сознательно уделили так много места и внимания деятельности ИВ в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Идут годы, и число сотрудников, для которых эти годы были частью их жизни, неумолимо сокращается. Трудности и лишения военных лет не давали возможности широко публиковать ни работы советских востоковедов, ни хотя бы информацию об их трудах. Наконец, страницы жизни ИВ в эти годы, о которых рассказывают многочисленные, но уже выцветшие документы, не могут не волновать всех, кому дорога история нашей советской науки, не могут не служить вдохновляющим примером молодому поколению наших востоковедов. Шла война, были голод и холод, не было порой крова и одежды, но ученые отдавали все свои силы служению науке и Родине, а наука и Родина вселили в них силы перенести бремя военных невзгод. Это были трудные, но героические годы!

Труд сотрудников ИВ в годы Великой Отечественной войны был высоко оценен партией и правительством. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 10 июня 1945 г. была награждена орденами большая группа сотрудников АН СССР, среди них и ученые ИВ — орденом Ленина — 6 человек, орденом Трудового Красного Знамени — 5, орденом «Знак Почета» — 3.

После эвакуации не все сотрудники ИВ тотчас же покинули Ташкент — часть их оставалась для выполнения начатых ранее работ. И. П. Петрушевский остался работать в рукописных хранилищах Ташкента и в САГУ до апреля 1946 г., Е. Э. Бертельс был временно прикомандирован к САГУ и АН УзбССР, в связи с чем был назначен заведующим Ташкентской группой ИВ.

Несмотря на то что возвращение в Ленинград отняло много сил и времени — почти все первое полугодие, когда здание БАН отапливалось лишь частично, а Рукописный фонд все еще находился в консервации, коллектив сотрудников ИВ работал не покладая рук и за год был закончен целый ряд работ, имевших большое научное значение.

Кроме того, на протяжении 1945 г. было проведено пять научных сессий, на которых было прочитано более тридцати докладов — в основном сотрудниками ИВ.

В 1945 г. вышел в свет т. III сборника «Советское востоковедение», сверстанный еще в 1941 г. Сдан в печать т. V в честь 60-летия акад. И. Ю. Крачковского и 40-летия его научной деятельности (издан в 1947 г.).

В апреле 1946 г. Президиум АН СССР уведомил дирекцию ИВ об упразднении кабинетов и создании вместо них четырех секторов. Это изменение структуры не отвечало традиционному профилю ИВ, о чем дирекция ИВ сочла нужным

сообщить Президиуму АН СССР¹¹². Президиум согласился с мнением дирекции ИВ, но тем не менее из финансовых соображений должен был 30 мая вынести постановление, утвердившее новую структуру отделений АН и входящих в их состав учреждений. Структура ИВ имела следующий вид:

Сектор арабской филологии (зав. И. Ю. Крачковский).
Сектор индийской филологии (зав. А. П. Баранников).
Сектор китайской филологии (зав. В. М. Алексеев).
Сектор Древнего Востока (зав. В. В. Струве).
Сектор иранской филологии (зав. А. А. Фрейман).
Сектор японо-корейской филологии (зав. Н. И. Конрад).
Туркологический сектор (зав. А. К. Боровков) состоял из двух кабинетов:
Среднеазиатского и Турецкого.
Сектор монгольской филологии (зав. С. А. Козин).
Рукописный отдел с Архивом востоковедов.
Научная библиотека¹¹³.

Всего сотрудников к концу 1946 г. было 97 человек, в том числе 11 — по Московской группе.

Объем выполненных ИВ в 1946 г. исследований значительно превысил плановые наметки, что было несомненно свидетельством искреннего желания ученых сделать все от них зависящее для дальнейшего развития советского востоковедения. К концу года ИВ выпустил в свет семь работ общим объемом в 88,5 печ. л.¹¹⁴

Велики были потери востоковедения в годы Великой Отечественной войны, и поэтому в послевоенные годы вновь остро встал вопрос о подготовке кадров.

Перед советскими востоковедами вставали принципиально новые задачи, возникали новые творческие замыслы и совершенно новые аспекты изучения Востока¹¹⁵.

Решение новых задач было невозможно без многих организационных и структурных преобразований, о которых уже шла речь и пойдет еще и дальше, — это были поиски новых путей в организации науки.

9 ноября дирекция ИВ направила в Президиум АН СССР обширную докладную записку «О работе ИВАН СССР». Записка эта, составленная деловито и откровенно, с большим количеством цифровых данных, делает ее важным источником по истории учреждения.

27 ноября 1948 г. Президиум АН СССР принял постанов-

¹¹² Там же, оп. 1 (1946), № 3, л. 8.

¹¹³ Там же, № 2, лл. 43—44; № 6, л. 30. Впервые после многолетнего перерыва в 1946 г. был напечатан отчет о работе АН СССР, где на стр. 475—478 помещен краткий обзор работы ИВ.

¹¹⁴ Перечень работ (там же, № 6, л. 38).

¹¹⁵ А. К. Боровков, Востоковедение в СССР за 30 лет, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 5, стр. 395—407.

ление по докладу акад. С. И. Вавилова «Об улучшении научной работы в области востоковедения».

Отметив неудовлетворительное состояние научно-исследовательской работы и подготовки научных кадров по востоковедению, Президиум постановил создать единый ИВ в Москве с отделением в Ленинграде. В штат ИВ должны были быть переведены востоковеды из других институтов АН СССР. Особое внимание уделялось необходимости изучения современного Востока¹¹⁶.

В ряде мер, направленных на дальнейшее развитие академического востоковедения 1 июля 1950 г. Президиум АН СССР принял постановление, непосредственно касающееся востоковедения в институтах АН СССР. Вызвано это было неудовлетворительным состоянием научной работы. Так, в частности, ИВ не издал крупных научных трудов по актуальным вопросам новой и новейшей истории, языку и литературе, экономике и политике стран современного Востока. В целях объединения научных кадров и обеспечения повседневного руководства ИВ со стороны Президиума АН СССР Президиум просил СМ СССР разрешить перевести ИВ в Москву, ликвидировать Тихоокеанский институт АН СССР и передать его кадры в ИВ¹¹⁷.

2 августа того же года после соответствующего постановления СМ СССР Президиум АН СССР реализовал постановление от 1 июля. В Ленинграде остался Сектор (музей) восточных рукописей¹¹⁸.

В секторе в Ленинграде на конец 1950 г. числилось 27 научных сотрудников и 16 научно-технических, библиотечных работников и обслуживающего персонала.

С 1951 г. в Ленинграде начал работать сравнительно небольшой коллектив, структурная часть ИВ в Москве — Сектор (музей) восточных рукописей. Этот коллектив ученых располагал бесценными богатствами, накопленными десятилетиями плодотворной деятельности академического востоковедения, — Рукописный отдел, Библиотека и Архив востоковедов. Наличие этих трех хранилищ во многом определило профиль научно-исследовательской работы сектора. Так, в его плане на 1951 г.¹¹⁹ предусматривались научные описания и алфавитные списки рукописей, описания материалов архива, издание восточных источников. Сектор готовил также и кадры — на конец 1951 г. было 35 аспирантов (в том числе 9 прикомандированных) и один докторант¹²⁰.

¹¹⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1948), № 1, лл. 29—32; структура ИВ и его ЛО, лл. 33—34.

¹¹⁷ Там же, оп. 1 (1950), № 1, лл. 50—51.

¹¹⁸ Там же, лл. 55—56. Одновременно была утверждена и структура ИВ.

¹¹⁹ Там же, оп. 1 (1951), № 8, лл. 50—55.

¹²⁰ Там же, № 3 (все дело).

В духе определившегося профиля сектора был составлен пятилетний план на 1951—1956 гг. «Описание рукописей,— отмечалось в плане,— позволит выявить новые источники и ввести их в научный обиход»¹²¹.

13 апреля 1951 г. Президиум АН СССР принял постановление о выполнении постановлений от 1 июля и 2 августа 1950 г. (см. выше), о плане научно-исследовательских работ ИВ на 1951 г. и в пятилетие (1951—1956)¹²². В постановлении констатировалось, что ИВ провел значительную работу по пересмотру структуры, укомплектованию кадрами и составлению планов. Наряду с этим отмечалось невыполнение плана на 1950 г. по подготовке восточных словарей. Дирекции ИВ вменялось в обязанность обратить внимание на учет и изучение архивных фондов по востоковедению, что непосредственно касалось сектора в Ленинграде.

Надо сказать, что положение сектора в Ленинграде нельзя было считать нормальным и вызывало у его сотрудников серьезное беспокойство за судьбу ценнейших собраний письменных памятников. Об этом свидетельствует, например, письмо в редакцию газеты «Правда»¹²³, в котором убедительно говорилось о неудовлетворительном состоянии хранения рукописных фондов, о необходимости увеличения штата сотрудников и создании реставрационной лаборатории и фотолaborатории, переплетной мастерской.

К 1953 г. сама жизнь убедила, что для расширения научной работы сектора над рукописями необходимо увеличить штат научных сотрудников. В первую очередь надо было обеспечить обработку Тибетского и Тангутского фондов, которые до сих пор были не разобраны или находились в стадии первичного упорядочения. Этого настоятельно требовала основная задача сектора — введение в научный обиход новых источников.

Несмотря на все усилия сотрудников сектора, положение его оставляло желать лучшего и не раз обсуждалось в руководящих органах АН СССР. Сама жизнь все настойчивее доказывала необходимость создания в Ленинграде отделения института.

Вопрос реорганизации сектора в отделение прошел целый ряд этапов. Инициатором создания отделения можно с полным правом считать партийную организацию сектора, которая после неоднократного обсуждения этого вопроса в июле 1954 г. поставила его перед дирекцией ИВ. Парторганизация мотивировала свои рекомендации следующими сооб-

¹²¹ Там же, № 9, лл. 174—176.

¹²² Там же, № 1, лл. 21—24.

¹²³ Там же, № 8, лл. 73—78; см. также заключение комиссии о научном значении и состоянии рукописных фондов сектора (там же, № 19, все дело).

ражениями: в секторе работает 61 сотрудник, и в их числе один академик, два члена-корреспондента, пять докторов, двадцать три кандидата наук, тринадцать аспирантов. Тематика научных исследований крайне разнообразна — история древнего и средневекового Востока, лингвистика, описание рукописей и т. п. Очень сложным стало в связи с этим научное руководство работой сотрудников, не всегда достаточно эффективное. И, наконец, пожалуй, самое главное — востоковедение в Ленинграде имеет исторически сложившиеся традиции, широко известные как у нас в стране, так и за рубежом.

Предложение это не вызвало возражений, и в декабре 1954 г. дирекция ИВ полностью согласилась с ним. Была намечена кандидатура акад. И. А. Орбели на должность заведующего отделением в Ленинграде. В марте 1955 г. директор ИВ А. А. Губер написал по этому вопросу письмо И. А. Орбели, который с энтузиазмом воспринял предложение об организации ЛО ИВ, так как это целиком совпадало с его точкой зрения. Еще в 1954 г. он сам обратился в руководящие инстанции с обстоятельной докладной запиской, в которой убедительно доказывал необходимость развертывания филологических, текстологических и историко-культурных исследований на материале ценнейших коллекций первоисточников, хранящихся ныне в ЛО ИВ.

10 марта 1955 г. на общем собрании сотрудников сектора в Ленинграде выступил директор ИВ А. А. Губер. Отметим положительные стороны в работе ИВ, он подробно остановился на главных недостатках: плохая подготовка молодых кадров востоковедов и недостаточное внимание развитию восточной филологии. В связи с этим, сообщил директор ИВ, в начале марта состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором была подвергнута серьезной критике работа ИВ и ИЯ¹²⁴.

Прошли все намеченные сроки реорганизации сектора в Ленинграде, кончился 1955 год, а вопрос этот все еще не был решен.

В феврале 1956 г. в Москве собрался исторический XX съезд КПСС, сыгравший исключительную роль буквально во всех сторонах жизни нашего государства. Серьезной критике подвергся на съезде ИВ. 16 февраля выступил А. И. Микоян. Говоря об идеологической работе, он обратил внимание делегатов на значительное отставание в ряде вопросов. Отметив, в частности, что единственный в системе АН экономический институт не в состоянии справиться с поставленными

¹²⁴ Связана с этим редакционная статья «За дальнейший подъем советского востоковедения», — «Коммунист», 1955, № 8 (май), стр. 74—83. Статья эта обсуждалась на заседании УС ИВ (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1955), № 9, стенограмма).

ми перед ним задачами, А. И. Микоян сказал: «Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день»¹²⁵.

Критика, прозвучавшая с трибуны съезда, оказала крайне благотворное влияние на дальнейшее развитие востоковедной науки. ЦК КПСС, Совет министров СССР и Президиум АН СССР предоставили широкие возможности для преодоления недостатков и всестороннего развития востоковедения в АН СССР. Это была важная веха в истории науки.

В июле 1956 г. директором Института был назначен известный историк-востоковед, видный общественный деятель, — Б. Г. Гафуров¹²⁶. С его приходом в институте вскоре произошли серьезные и важные перемены. Так, 7 сентября 1956 г. Президиум АН СССР издал постановление¹²⁷, в котором перечислялся ряд мер, направленных на коренное изменение всей работы института, предусматривалась организация при ИВ хозрасчетного издательства восточной литературы (ИВЛ), новая структура ИВ и преобразование Сектора восточных рукописей в Ленинградское отделение ИВ АН СССР.

Уже осенью 1956 г. вопрос о создании ЛО ИВ решался практически¹²⁸. 26 октября 1956 г. академик И. А. Орбели был назначен заведующим ЛО ИВ. Эти изменения полностью отвечали поставленным перед учреждением партией и правительством задачам. В первую очередь это коснулось подготовки новых кадров — в ИВ были организованы аспирантура и докторантура, в которых за сравнительно короткий срок были подготовлены многочисленные востоковеды высокой квалификации и разных специальностей. Открыты были новые научные направления, никогда ранее не представленные и не развивавшиеся в ИВ. Научными исследованиями сравнительно скоро были практически охвачены все регионы современного Востока по всем аспектам: международные отношения, проблемы национально-освободительного движения, некапиталистического пути развития слаборазвитых и освободившихся от колониального ига стран Востока, внутривосточные отношения в них, современные языки, литература, история культуры. Были организованы новые научные востоковедные жур-

¹²⁵ «XX съезд КПСС, 14—25 февраля 1956 г. Стенографический отчет», т. I, М., 1956, стр. 324.

¹²⁶ Постановление Президиума АН СССР № 378 от 16 июля 1956 г. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1956), № 1, л. 81.

¹²⁷ «О задачах и структуре ИВАН СССР», там же, лл. 20—26. К постановлению была приложена структура ИВ.

¹²⁸ См. там же, лл. 7—14; № 11, лл. 13—16; «О мероприятиях по реализации постановлений Президиума АН СССР о реорганизации Сектора восточных рукописей в Ленинградское отделение ИВАН СССР», там же, № 43.

налы. По инициативе дирекции Института было создано специализированное Издательство восточной литературы, небывало возрос выпуск научной продукции. В широких масштабах стала осуществляться помощь востоковедов АН СССР практическим организациям, налажены были обширные международные научные связи со странами Востока и Запада. В течение буквально нескольких лет ИВ превратился в научно-исследовательский центр АН СССР мирового значения¹²⁹.

С 1956 г. в тесной связи с развитием Института востоковедения в Москве развивалось и его отделение в Ленинграде. Перед ЛО ИВ была поставлена задача ввести в науку большое количество первоисточников, содержащихся в восточных рукописях, хранящихся в ЛО ИВ, и продолжить традиционные исследования в области истории докапиталистических формаций. Это должно было обеспечить необходимую и непрерывную связь в исследовании современного Востока с его историческим прошлым. При этом учитывались имевшиеся в Ленинграде научные традиции в области исследования культуры народов Востока, наличие кадров старшего поколения востоковедов и, разумеется, богатейшие собрания первоисточников, хранящихся в Рукописном отделе и Архиве востоковедов ЛО ИВ.

Организатор и первый заведующий ЛО ИВ, акад. И. А. Орбели, в осуществлении поставленных перед отделением задач встречал неизменную поддержку дирекции Института, ОИИ и Президиума АН СССР. В формировании и развитии научного коллектива И. А. Орбели опирался на помощь партийных организаций Ленинграда.

Для создания научно-исследовательского учреждения нужны были прежде всего специалисты-востоковеды различных специальностей — лингвисты и литературоведы, текстологи и историки, тибетологи, корейцы, японисты, иранисты, тюркологи, арабисты и т. д. В секторе же целый ряд востоковедных направлений и дисциплин вообще не был представлен, а имеющихся специалистов было явно недостаточно.

Решить проблему кадров в Ленинграде в ту пору было нелегко. В силу определенных исторических обстоятельств представителей среднего поколения почти не осталось, а единицы старшего поколения уже работали в других учреждениях. Из-за трудностей распределения востоковедов к 1956 г. в Ленинграде скопилось значительное количество выпускников Восточного факультета ЛГУ. Они стремились к научной работе, но вынуждены были работать не по специальности.

¹²⁹ Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина, Из истории советского востоковедения. 1917—1967, М., 1970; см. также А. Базилянц, Н. Кузнецова, Л. Кулагина, Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818—1968, М., 1969.

Представилось возможным заполнить штат ЛО ИВ этими молодыми людьми, заведомо зная, что у них нет ни опыта, ни достаточных знаний.

Некоторые коллеги акад. И. А. Орбели рекомендовали ему избрать более спокойный путь — пригласить в ЛО ИВ известных в науке специалистов старшего поколения, пусть даже единицы, и дать им возможность работать в тех областях, в которых они работали много лет. И. А. Орбели не согласился с ними. Он видел свою задачу в том, чтобы в кратчайший срок восполнить те лакуны, которые образовались в академическом востоковедении Ленинграда. Надо было наконец дать более или менее полную информацию о всей коллекции восточных рукописей, широко развернуть исследование древнего и средневекового Востока. Для этого же нужны были не единицы, а десятки разных специалистов. И. А. Орбели решил пойти на известный риск — брать в отделение молодежь. Пусть она будет неопытна, без ученых степеней и званий, но будет обладать ценными качествами — молодостью и энтузиазмом. И. А. Орбели рассчитывал, что под руководством старших коллег молодые востоковеды в короткий срок овладеют знаниями, обретут опыт научной работы. На протяжении 1956—1960 гг. он принял в ЛО ИВ более ста сотрудников, и подавляющее число их были молодые люди. Определенную роль в этом пополнении кадров сыграло удачное сочетание в одном лице заведующего научным востоковедным учреждением и декана Восточного факультета ЛГУ.

В процессе формирования коллектива ЛО ИВ решалась и его структура. И. А. Орбели, поддержанный дирекцией ИВ и общественными организациями, принял решение восстановить систему страноведческих кабинетов. Выступая 29 января 1957 г. на общем собрании сотрудников ЛО ИВ с докладом о плане работы на 1957 г., И. А. Орбели изложил свои соображения и по вопросу структуры отделения¹³⁰. Его предложение было горячо одобрено и поддержано. Ученый совет ЛО ИВ утвердил структуру в составе пяти кабинетов¹³¹.

Арабский	— 7 человек	(зав. В. И. Беляев)
Индийский	— 5	• (зав. В. М. Бескровный)
Иранский	— 14	• (зав. И. П. Петрушевский)
Дальнего Востока	— 20	• (зав. В. М. Штейн)
Тюрко-монгольский	— 14	• (зав. А. Н. Кононов)

¹³⁰ Там же, оп. 1 (1957), № 8, лл. 1—11.

¹³¹ В Секторе ЛО ИВ уже в 1956 г. были созданы группы по региональному принципу: арабистов (5 человек), иранистов (3), тюркологов (5), монголистов (4), индийская (4 человека), продолжала работать Киргизская группа (6 человек).

Кроме того, в составе ЛО ИВ было три группы: киргизская (рук. Д. И. Тихонов), ассириологии и смежных дисциплин (рук. И. М. Дьяконов), семитологии (сириологии и гебраистики) — рук. Н. В. Пигулевская.

Предполагалось создание Кавказского и Среднеазиатского кабинетов¹³².

В состав ЛО ИВ входили также три хранилища — Рукописный отдел, Библиотека и Архив востоковедов.

18 апреля 1958 г. производственное совещание сотрудников ЛО ИВ заслушало и обсудило доклад заведующего об итогах работы отделения за 1957 г. и перспективах на 1958 г. Академик И. А. Орбели обратил внимание сотрудников на то, что 1958—1960 годы будут особенно важными в жизни советского востоковедения в связи с предполагавшимся в 1960 г. XXV Международным конгрессом востоковедов¹³³. Подготовка к конгрессу потребовала внести некоторые изменения в планы ЛО ИВ на 1958—1960 гг.¹³⁴.

В 1958 г. коллектив ЛО ИВ вновь пополнился молодыми востоковедами, их было принято 10 человек.

Произошли и некоторые структурные изменения: был создан Кабинет Ближнего Востока (зав. Н. В. Пигулевская), в составе Иранского кабинета была образована Курдская группа (научный руководитель акад. И. А. Орбели), велась подготовка к воссозданию Кавказского кабинета и Кабинета древнего Востока (зав. акад. В. В. Струве). Рукописный отдел продолжал упорядочение своих фондов, резко возросло их использование. Архив востоковедов окончательно оформился как самостоятельная структурная часть ЛО ИВ. В библиотеке был определен профиль ее комплектования, производилась сверка каталогов с наличными фондами, организовывался централизованный обмен книгами и микрофильмами с зарубежными учреждениями.

В 1958 г. в ЛО ИВ началось широкое развитие международных научных связей (24 июля в ИВ была создана Комиссия по международным связям). Сотрудники ЛО ИВ активно участвовали в работах международных конгрессов, конференций и совещаний, избирались членами иностранных востоковедных обществ. Рукописный отдел вел обмен с учреждениями и отдельными лицами, свыше сорока делегаций и ученых посетили ЛО ИВ, научные работы сотрудников ЛО ИВ печатались в зарубежных изданиях.

Деятельность ЛО ИВ привлекала в 1958 г. внимание научных и общественных кругов города, чему особенно спо-

¹³² Докладные записки акад. И. А. Орбели и М. Н. Боголюбова о создании этих кабинетов см. там же, № 3.

¹³³ Протокол совещания см. там же, оп. 1(1958), № 10, лл. 12—17.

¹³⁴ Там же, лл. 9—11; подготовке XXV МКВ посвящены также дела № 19, 25 и 28.

собствовали организованные по инициативе партийной и профсоюзной организаций «Восточные чтения». На страницах ленинградских газет все чаще стали появляться материалы, освещающие научную работу отделения, в литературном альманахе «Нева» был напечатан большой очерк «Люди и рукописи» (1958 г., № 7).

В начале 1959 г. был составлен план работы ЛО ИВ на 1959—1965 гг., состоявший из трех разделов: а) план научно-исследовательской работы, б) проблемно-тематический и в) перспективный план¹³⁵. Основное внимание было уделено устранению многотемности, увеличению числа коллективных работ. В кабинетах были созданы проблемные группы и коллективы, объединявшие историков, литературоведов и лингвистов. Особенно широко коллективный метод использовался при описании рукописей. Описание восточных рукописей и подготовка к печати каталогов стали основной задачей ЛО ИВ в первые годы работы. В эту не всегда благодарную и трудоемкую работу включались и молодые специалисты. Это была для них прекрасная научная школа, значительно умножившая их знания. Учитывая исключительную важность этой работы для отделения, в целях координации и разработки методологических вопросов описания рукописей было создано Методологическое бюро по описанию рукописей во главе с членом-корр. А. Н. Кононовым¹³⁶. Для более успешной разработки общетеоретических проблем по решению Ученого совета ЛО ИВ структура отделения была дополнена тремя секциями: 1) Историческая (рук. В. В. Струве), 2) Литературоведческая (рук. И. А. Орбели) и 3) Лингвистическая (рук. М. Н. Боголюбов).

С 1959 г. начался заметный рост научной продукции ЛО ИВ. Так, в 1959 г. вышло в свет уже 12 работ объемом до 80 печ. л., причем 7 из них были изданы в ИВЛ. В том же году было подготовлено к печати и сдано в ИВЛ 32 работы общим объемом в 583 печ. л.

Таким образом, к 1960 г. коллектив сотрудников ЛО ИВ представлял собой удачное сочетание молодых востоковедов, полных сил и энергии, но не имеющих опыта, объединяемых в научные ячейки с учеными старшего поколения. Об этих особенностях коллектива ЛО ИВ неоднократно говорил его заведующий — акад. И. А. Орбели, вложивший немало труда в его создание.

Вся деятельность ЛО ИВ — ЛО ИНА в 1960 г. была связана с подготовкой к XXV Международному конгрессу востоковедов в Москве. В этой работе отделение являлось

¹³⁵ Там же, оп. 1 (1959), № 10.

¹³⁶ 20 апреля 1959 г. А. Н. Кононов был назначен зам. зав. ЛО ИВ (там же, № 1, л. 28).

организуящим центром ленинградских востоковедов. Сотрудники ЛО ИВ были членами Оргкомитета МКВ (5 человек), руководителями секций (8 человек), секретарями секций и т. п., всего в работе конгресса приняло участие почти 90 сотрудников отделения, ими было подготовлено 18 научных докладов.

22 июля 1960 г.¹³⁷ и 16 декабря 1960 г. Президиум АН СССР принял постановление «О задачах, структуре и руководстве Института народов Азии АН СССР»¹³⁸ (так назывался тогда ИВАН). В соответствии с этими постановлениями ЛО ИВ стало ЛО Института народов Азии.

Первый период работы ЛО ИВ (1956—1960) был периодом формирования коллектива с неизбежными первыми успехами и неудачами, а вместе с тем и первых, в большинстве успешных, шагов научной молодежи. Этот период во многом определил состав ЛО ИВ, его структуру, особенности коллектива и существующую и в наши дни творческую атмосферу. Не будет, пожалуй, лишним сказать, что личность акад. И. А. Орбели — его научная честность, нетерпимость ко всякому стремлению к монополии в науке, уважение к таланту, его вера в научную молодежь и поддержка ее — все это благотворно сказалось на деятельности ЛО ИВ на многие годы вперед.

Изменение наименования института и его Ленинградского отделения не вызвало изменений в научном профиле учреждений — основным направлением работы отделения было описание восточных рукописей, подготовка их к публикации, их исследование. Без этого важного, но лишь первого этапа научного освоения богатейших коллекций восточных памятников невозможно было перспективное планирование дальнейшей работы. Поэтому с 1961 г. этому направлению уделялось особое внимание как со стороны администрации, так и со стороны общественных организаций отделения. Исключительно большую роль в этой работе сыграла успешная деятельность Методологического бюро по описанию рукописей (рук. А. Н. Кононов).

В 1960—1961 гг. по инициативе Б. Г. Гафурова и И. А. Орбели было начато издание серии наиболее важных исторических и литературных памятников народов Востока. В числе первых изданий были уникальные рукописи из коллекции, хранящейся в Отделении.

Широко развернулась в эти годы работа в области научной и политической пропаганды. 21—22 марта 1961 г. ЛО ИНА совместно с Дзержинским РК КПСС Ленинграда провело районную научно-теоретическую конференцию по теме

¹³⁷ Там же, оп. 1 (1960), № 1, л. 43.

¹³⁸ Там же, лл. 79—81.

«Новый этап национально-освободительного движения и крушение колониальной системы империализма». В октябре 1962 г. была проведена конференция на тему «Роль народов Востока в формировании мировой культуры».

В поисках живой связи с жизнью и форм пропаганды научных знаний коллектив ЛО ИНА пришел к убеждению о необходимости в плановом порядке писать научно-популярные книги. Вскоре первые такие работы появились в книжных магазинах. В 1961 г. в отделении начала действовать лекторская группа, входившая в районное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1962 г. при ЛО ИНА начал работать лекторий — филиал Центрального лектория города, ставивший своей задачей пропаганду достижений науки в изучении прошлого и настоящего народов Востока. Эти лекции привлекают множество слушателей.

В 1961—1963 гг. под руководством преемника И. А. Орбели — члена-корр. АН СССР А. Н. Кононова Ученый совет ЛО ИНА превращается в важнейший орган руководства всей научной и организационной работой. В этот же период по инициативе А. Н. Кононова была начата большая работа по составлению перспективного плана исследовательских работ на 10 лет. Разработка этого плана имела огромное значение для развития ЛО ИНА и заставила тщательно взвесить имеющиеся силы, более четко осмыслить задачи и место ЛО ИНА в ряду востоковедных учреждений страны.

Решения июньского Пленума ЦК КПСС 1963 г., поставившие новые политические и научные задачи перед работниками гуманитарных учреждений, определили главное направление в деятельности ЛО ИНА на ближайшие годы. Впервые в истории востоковедения надо было разработать на строго научной основе программу исследований и публикации письменных памятников культуры народов Востока. Эта сложная и ответственная работа должна была явиться, во-первых, логическим и необходимым продолжением основного направления всей деятельности ЛО ИНА — научные описания восточных рукописей — и, во-вторых, и самое главное, заложить научный фундамент для создания капитальных обобщающих работ по истории, истории литературы и идеологии народов Востока. Написание такого рода работ на основе марксистско-ленинской теории будет в значительной мере способствовать развитию и укреплению научных, культурных и дружеских связей СССР со странами Азии. Работа над «Программой издания и исследования письменных памятников культуры народов Востока» была завершена в 1964 г. Но это был только первый этап.

С этой задачей была связана работа Методологического бюро по описанию восточных рукописей, которое продолжало

разработку методики описания рукописей, завершившуюся созданием унифицированной схемы для всех востоковедных научных коллективов страны. Схема была доложена на II Всесоюзном совещании по вопросам восточной текстологии. В 1964 г. была обсуждена и утверждена краткая схема описания рукописей, предназначенная заменить с 1965 г. полную схему, с тем чтобы в три-четыре года завершить описание коллекций ЛО ИНА.

В мае 1964 г. состоялось заседание Ученого совета ИНА с докладом заведующего ЛО ИНА Ю. А. Петросяна¹³⁹ об основных направлениях работы Отделения. Было принято решение, определяющее направление научно-исследовательской работы: описание восточных рукописей, исследование и публикация памятников в рамках упоминавшейся выше программы, история рабовладельческой и феодальной формаций на Востоке, истории языков и литератур Востока.

Дальнейшим в определении научного профиля ЛО ИНА явилось заседание Секции общественных наук Президиума АН СССР, состоявшееся в Ленинграде 30 октября 1964 г. и принявшее решение, разработанное при деятельном участии ЛО ИНА. Для претворения этого важного решения в жизнь в отделении была создана особая Группа по истории культуры народов Востока.

Со времени создания в Ленинграде отделения в ходе научно-организационной работы постепенно была выработана его структура, наиболее соответствовавшая решению поставленных перед ним задач. Эта структура, в основном, существует до настоящего времени:

НАУЧНАЯ ЧАСТЬ

1. Арабский кабинет	9. Тюрко-монгольский кабинет
2. Ближневосточный кабинет	10. Японский кабинет
3. Древневосточный кабинет	11. Бирманская группа
4. Индийский кабинет	12. Группа древневосточной филологии
5. Иранский кабинет	13. Группа корееведения
6. Кавказский кабинет	14. Группа описания и публикации рукописей и ксилографов дальневосточных фондов
7. Китайский кабинет	
8. Курдский кабинет	

НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

1. Рукописный отдел
2. Архив востоковедов
3. Библиотека (сети БАН)

¹³⁹ В июне 1963 г. А. Н. Кононов по состоянию здоровья оставил пост заведующего. Руководителем Отделения был назначен Ю. А. Петросян.

Это отнюдь не означает, что указанная структура, хотя и оправдавшая себя в процессе деятельности ЛО ИНА, является чем-то застывшим и непоколебимым. В эту основную структуру постоянно вносятся те или иные изменения, когда это становится необходимым для улучшения процесса научно-исследовательской работы.

В соответствии с упомянутым решением Секции общественных наук Президиума АН СССР от 30 октября 1964 г. одним из основных направлений в работе отделения должны были стать исследования в области культуры народов зарубежного Востока в древности, средневековье и новое время. Однако для этого надо было выполнить ряд следующих подготовительных заданий, что и было сделано в 1965 г.: была составлена докладная записка с предложениями по организации и развертыванию в СССР исследований в области истории культуры народов зарубежного Востока, эта записка была представлена в Секцию общественных наук в феврале 1965 г.; коллектив авторов подготовил и передал в секцию доклад на тему «Роль религии в современной жизни народов Востока»; шла работа над программой исследований по истории культуры народов Востока.

Все эти задания были выполнены членами Группы по истории культуры, в работе которой деятельно сотрудничали специалисты Государственного Эрмитажа, Восточного факультета ЛГУ и ЛО ИЭ.

Помимо этого основного направления следует также называть и другие, не менее важные работы ЛО ИНА — исследование особенностей развития и смены докапиталистических формаций на Востоке, зарождения классового общества, изучение малоисследованных и совсем неисследованных языков Востока, закономерности и специфика развития художественной литературы в странах Востока и др.

В 1965 г. была проведена первая годовичная научная конференция сотрудников ЛО ИНА, посвященная итогам исследовательской работы за 1964 г. С этого года годовичные сессии стали нормой научной жизни ЛО ИНА. Об их важной роли в формировании молодых ученых говорит, например, тот факт, что на пленарные заседания выносились доклады научных сотрудников, делающих еще первые шаги в науке.

В 1965 г. по решению профсоюзной и партийной организаций ЛО ИНА был организован сбор средств на сооружение мемориальной доски в память сотрудников института, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и умерших в дни блокады Ленинграда. Доска была установлена к 20-летию победы над фашистской Германией. На ней высечены золотом фамилии 37 сотрудников. Всякий, входящий сейчас в помещение ЛО ИНА, невольно замедляет шаг перед этой доской.

Разработка предложений, подготовка программы исследований, открытие новой издательской серии «Культура народов Востока» — все это были лишь первые шаги в сложном деле налаживания работы в области истории культуры народов Востока. Надо было серьезно обсудить задачи координации усилий всех востоковедов страны. Для этого летом 1966 г. Бюро ОИ создало оргкомитет по подготовке Всесоюзного координационного совещания по организации исследований в области культуры, а постановлением Президиума АН СССР определено было провести совещание в марте 1967 г. в ЛО ИНА.

Исключительно важную роль в научной жизни ЛО ИНА стала играть Ленинградская секция Ученого совета, которая в 1966—1967 гг. не только занималась организационными вопросами, но и рассматривала научные проблемы. Заседания Совета становились широкими научными собраниями, в которых читались специальные доклады и принимали участие ученые-востоковеды других учреждений и городов.

Свидетельством внимания руководящих органов АН СССР, а вместе с тем и неуклонного увеличения веса ЛО ИНА в научной жизни АН следует рассматривать доклад заведующего отделением Ю. А. Петросяна о работе по хранению, описанию и изданию письменных памятников культуры народов Востока на Бюро ОИ 1 ноября 1966 г. Бюро ОИ в специальном постановлении по докладу отметило важное научное и политическое значение работы ЛО ИНА и совместно с Секцией общественных наук Президиума АН СССР сочло необходимым заслушать на заседании Президиума в январе 1967 г. доклад о проблемах исследования письменных памятников культуры народов Востока.

Прошло 10 лет работы ЛО ИНА, и молодой — в прямом и переносном значении — коллектив востоковедов добился больших успехов в росте научной квалификации. Об этом убедительно говорят следующие цифры:

	1956 г.	1966 г.
Всего научных сотрудников	51	103
В том числе		
докторов наук	3	7
кандидатов наук	31	56
научных сотрудников без степени	17	40

1967 год — год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции — был знаменательным для нашего Советского государства, для всего трудящегося человечества. Год этот был насыщен важными событиями и в жизни ЛО ИНА.

14—17 марта в ЛО ИНА состоялось координационное совещание по организации исследований истории культуры народов Востока. Это крайне интересное совещание, прошедшее на высоком научном и деловом уровне, единодушно

признало исключительную актуальность проблемы истории культуры.

24 марта 1967 г. заведующий ЛО ИНА Ю. А. Петросян выступил на заседании Президиума АН СССР с докладом «Изучение культурного наследия Востока по письменным памятникам коллекции Института народов Азии АН СССР», в котором подвел итоги научного описания, дешифровки, исследования и публикации памятников восточной письменности¹⁴⁰. Эта работа отделения получила высокую оценку.

Нет возможности перечислить все сессии, конференции, симпозиумы и т. п., в которых принимали участие сотрудники ЛО ИНА. Хранящиеся в архиве материалы позволяют детально ознакомиться с этой стороной деятельности отделения.

Постановлению ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» было посвящено совещание историков, а также специальное заседание УС ЛО ИНА.

Много внимания уделяли администрация, УС и общественные организации отделению выполнению коллективом сотрудников юбилейных обязательств. Надо сказать, что сотрудники ЛО ИНА действительно приложили максимум усилий, и к концу 1967 г. были завершены капитальные коллективные труды по истории отечественного академического востоковедения. Одна из этих книг — та, в которой напечатаны эти строки, а вторая — «Справочник-путеводитель по рукописным, архивным и библиотечным фондам ЛО ИНА АН СССР». Из наиболее важных юбилейных обязательств назовем еще «Памятную книгу», посвященную сотрудникам института, погибшим в годы Великой Отечественной войны, — дополнение к упоминавшейся мемориальной доске; постоянную выставку научных изданий отделения за 1957—1967 гг. и др.¹⁴¹

В 150-й год своего существования отделение вступило как крупное востоковедное научное учреждение АН СССР, призванное вести исследования в области культуры народов Востока по следующим направлениям:

- а) научное описание и публикация рукописей — памятников культуры народов Востока;
- б) изучение особенностей развития и смены докапиталистических формаций и зарождения классового общества на Востоке;

¹⁴⁰ Доклад опубликован: ВАН, 1968, № 2, стр. 61—66.

¹⁴¹ См. тезисы докладов: Д. Е. Бертельс, Азиатский музей РАН — ИВАН СССР — Сектор (Музей) восточных рукописей ИВАН СССР, — ПИКНВ, III, Л., 1967, стр. 3—5; Э. Н. Темкин, ЛО ИНА АН СССР за 10 лет (1957—1967), — там же, стр. 5—6.

- в) история письменных языков Востока;
- г) изучение развития художественной литературы в странах Востока (закономерности и особенности);
- д) изучение истории культуры, особенно истории религий и идеологий Востока.

Учитывая сложившийся профиль научно-исследовательской работы ИНА и его Ленинградского отделения как традиционного востоковедного научного центра страны, Президиум АН СССР принял по представлению Секции общественных наук 14 июня 1968 г. постановление «О восстановлении наименования Института народов Азии АН СССР — Институт востоковедения АН СССР».

За 10 лет своего существования ЛО ИВ прошло значительный путь и стало известным в Советском Союзе и за рубежом крупным научным учреждением по исследованию истории культуры народов древнего и средневекового Востока. За эти годы сотрудниками было опубликовано около 3 тыс. работ. В ЛО ИВ в конце 1967 г. работали 2 члена-корреспондента АН СССР, 8 докторов наук и более 50 кандидатов.

В целом ряде отраслей востоковедения ЛО ИВ заняло ведущие позиции: история древнего Востока и древневосточная филология, раннее средневековье на Ближнем Востоке, среднеиранская филология и история, дуньхуановедение, кумранистика, тангутоведение, грамматика тюркских языков, история корейской литературы, курдоведение и др., а также научное описание восточных рукописей и издание письменных памятников культуры народов Востока.

Все достигнутые ЛО ИВ успехи в развитии советского востоковедения были бы невозможны без постоянного внимания к нуждам отделения и поддержки партийных органов Ленинграда, директора института академика Б. Г. Гафурова, Бюро Отделения истории АН СССР и ее Президиума.

Огромные изменения, происшедшие во всей нашей науке после Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом изменили и востоковедение. Востоковедение в АН СССР изменилось, как мы видели и увидим еще на последующих страницах этой книги, и количественно и качественно, оно принимало новые организационные формы и, разумеется, новую тематику и новое содержание.